

АНАСТАСИЯ ЗАРЕЦКАЯ

12+

НЕПРИЯТНО ПОЗНАКОМИТЬСЯ, ВЕДЬМА

НАШИ ДУШИ — НАША МАГИЯ.

Анастасия Зарецкая
Неприятно
познакомиться, ведьма
Серия «Неприятно
познакомиться, ведьма», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507732
SelfPub; 2019*

Аннотация

Ведьме с испорченным настроением и ограниченной способностью к колдовству делать в глухой деревне совершенно нечего, думала Яна. Это лето должно было пройти бесполезно и бессмысленно, но... но когда на ее пути появился белый маг с голубым свечением души и такими же нахальными глазами, а нечисть решила устроить бунт, дел резко подприбавилось. Тут уже не до огорода, ведь приходится спешить на подвиги, доказывая окружающим, что ты на что-то способна. Главное, чтобы окружающие не начали доказывать обратное...

Содержание

Глава 1. Причина и следствие	5
Глава 2. Маленькая смерть	24
Глава 3. Контрасты	60
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Ветер жизни иногда свиреп.

В целом жизнь, однако, хороша.

И не страшно, когда черный хлеб.

Страшно, когда черная душа.

Омар Хайям

Глава 1. Причина и следствие

Дул слабый ветер. Ещё бы польза была от него... Сейчас же он только еле-еле покачивал кусты картофеля, листья которых перегрелись на солнце. Я тоже перегрелась, но тетя сказала примерно такое: «Пока не прополешь, не возвращайся». Если я вернусь, никто меня, конечно, не побьет, но ведь в доме делать тоже абсолютно нечего. И вне дома дел мало-вато. В деревнях нам, детям тьмы и современности, вообще заняться нечем! А уж сейчас!..

Я стояла посреди огорода с картофелем и держала в руках тяпку. Черенок ее то и дело хотел наградить меня занозами за антиусердие, потому я надела перчатки, и руки в них, признаться честно, тоже чувствовали себя не лучшим образом. Трава, в принципе, тяпалась – вон, я аж два рядка уже прошла, два рядка из бесконечности, и собираться с силами не хотелось, поэтому я просто смотрела вдаль и тосковала.

Кусты какие-то лениво шуршат – их название абсолютно вылетело из головы. Кедр стоит вдалеке. А если голову повернуть, то видно сирень: класс двудольные, жилкование листьев сетчатое, корневая система стержневая... Ладно, что-то из школьного курса за десять лет я все же запомнила. Ещё б формулу цветка составить, но я забыла, как это делать, да и цветы уже отцвели.

Середина лета, куда деваться.

Деваться было совершенно некуда, и я, безнадежно почесав нос, вновь схватила тяпку и принялась лениво тыкать по сухой земле. И когда уже дождь? Не люблю я солнце, оно мне все вдохновение сбивает. То ли дело – пасмурная погода! Хотя дышать есть чем.

Впрочем, я сама виновата, что оказалась здесь. Не то чтобы сильно, но, что таить, поспособствовала. Иначе сидела бы дома и обнималась с вентилятором, что купила себе ещё пять лет назад. А ведь отец давно на меня посматривал – я крупных косяков с зимы не совершала, а у него, видите ли, метод воспитания такой, что надо постоянно ставить какие-то ограничения. Но буквально вчера решила поэкспериментировать, и... вот.

Ветер абсолютно стих, и находиться на солнце стало невыносимо. Бросив ненавистную тяпку, я отошла к дому и села на лавочку, скрытую тенью от крыши. Вытянула вперед ноги: они за те полчаса, что я пробыла на огороде, обзавелись парой царапин, а на правом переднем кармане джинсовых шорт красовалось пятно. Но это и не удивительно: меня вообще опасно выпускать из дома, я же убьюсь и не замечу.

Травинки – однодольные, кстати – склонились к земле. Пожелтели даже из-за солнца. А как тут не пожелтеть, с этой невыносимой жарой, длящейся уже целую неделю? Как тут не склониться? С моим настроением – чудо, что я ещё не склонилась. Из-за жары я, вон, черные шторы, самые плотные из всех, что нашлись дома, на окна вешала, когда экспе-

рименты свои проводила.

Самое обидное, что энергия, израсходованная на эти эксперименты, потратилась зря и сейчас наверняка где-то гуляет, не может же она испариться просто так – нам даже на физике это говорили. А я ведь до сих пор не понимаю, что сделала не так! И разобраться не дали: блок поставили и ото-слали к тете.

Ну и ладно. Я и вне места преступления успею все обдумать. На память пока не жалуюсь.

Или жалуюсь. Но разве такое забудешь?..

Началось все с книги. Старинной объемной книги в кожаной обложке, по краю которой проходит золотое теснение. Эта книга – наверное, единственная полезная вещь, что досталась мне от матушки. И вчера вечером, когда за окном небо начинало окрашиваться в оранжевые тона, я сидела в кресле вместе с этой книгой. Возле меня работал любимый вентилятор, а потому тогда я себя чувствовала вполне комфортно. Я сидела, листала книгу – отец сказал, чтобы я начинала учить низших существ, образованных всплесками энергии, потому что «как так можно, ничего не знать». Зачет грозился принимать лично. Обычно это «лично», правда, происходило через посредников, одного определенного посредника, папиного ученика, но это уже совсем другая история, которая никак от меня не отвяжется.

Итак, я сидела и учила несчастных существ, в народе называемых нечистой. Нечисть не училась, и, кажется, даже

проскрёбывала под раковиной, желая какого-нибудь угощения, но первые полчаса я старалась не обращать на это внимания. Правда, когда скреб стал совсем невыносимым, действующим на нервы, я встала и идти на кухню, оставив книгу лежащей на кресле.

Низшее существо, оно же нечисть, оно же, если конкретнее, некто наподобие домового, меня уже поджидало. Пошарив в холодильнике, я вытащила на оранжевато-желтый свет, льющийся из окна, пачку с молоком неизвестной даты происхождения и засохший бутерброд. Вот вечно у нас еды дома нет! Продемонстрировала скудные запасы раковине, и она, вернее, кое-то вместо нее, недовольно заскулила. А что я могла сделать? Мне, может, тоже есть хотелось.

Бросила взгляд на большие круглые часы, занимающие одну из стен кухни. Девять с лишним. В принципе, магазины ещё работают. Но... Но!

– Если что, – с намеком произнесла я, обращаясь к пустоте, – в книге указано, что домовые могут долгое время обходиться без материальных подачек. Вы же, дорогие, и без того нашу энергию сосете. И что ты тогда не доволен?

Домовой не ответил. Он вообще у нас необщительный – боится, что мы его прихлопнем, ведь мы можем его прихлопнуть, но зато пожрать любит. Мы с отцом тоже любим, хоть холодильник у нас и пустой. И Хомячидзе, отреагировавший на мои слова вместо домового, от вкусняшек не откажется. Вон, вылез из норки, которую сам строил около недели, схва-

тился за прутики клетки и смотрит на меня из коридора. Требовательно смотрит, с намеком.

Вспомнила о том, что его следует покормить, и наполнила миску свежими зернами и сухими фруктами из шуршащей жёлтой пачки. Хомячидзе все это время смотрел за мной: ну а вдруг что-нибудь не туда насыплю или вообще стащу. Вон, какой красавчик: рыже-коричневый, то есть, почти черный, и джунгарик, что почти что кошка. Ну, ладно, что таить, я себе черную кошку и хотела, но отец посоветовал не страдать глупостями и подарил мне на шестнадцатилетние хомяка вместо книжки по черной магии и, тем более, вместо кошки. Ну ничего, свыклись, и уже больше года живем вместе.

Корм и у Хомячидзе заканчивался – остаток зернышек тоскливо скучковался на дне. Да что же за дом!.. Тут уже до ближайшего ларька не сходишь: придется посетить супермаркет, а до него десять минут ходьбы туда, десять обратно, причем с тяжелыми пакетами, и там ходить надо тоже. Ну, он хотя бы работает до одиннадцати. А потом отец, дарящий хомяков вместо книг и совершенно забивший на еду, говорит, что я не хочу учиться.

Нет, это, конечно, неудивительно, что он не беспокоится о нашем семейном пропитании, думала я, надевая джинсы вместо домашней юбки. Он же то по заседаниям ходит, которые больше похожи на корпоративы, где все всегда с едой, то по деловым встречам. Встречи тоже с едой, потому что в ресторане. Ведь беседовать с уважаемыми ведьмаками, или,

что лучше, ведьмами без еды так несолидно! А меня на собеседования не зовут, а потому не кормят. Ещё и учиться заставляют. И да, говорят что-то о справедливости.

Карта с небольшим запасом накопленных средств лежала на своем месте, зато две бумажные сотни из кошелька пропали, хотя я точно помнила, что они были. Ну и кто шалит? В принципе, желающих много. Поэтому я и предпочитаю хранить деньги в электронном виде – нечисть боится современной техники, домовой лишь с трубой из-под раковины смирился, и то потому, что вид снизу. Если не присматриваться, можно принять за усовершенствованную печную.

Ключ от квартиры, как всегда, лежал на полу. Будь я обычной, не удивилась бы этому, если бы у нас в квартире жил кот. Но кота у нас в доме нет, зато изюминок во мне достаточно, поэтому я не удивлялась и сейчас.

Ведь у нас дома живет нечисть, а она любит устраивать сюрпризы.

Раньше я вообще не запирала квартиру, когда покидала ее. В нечисти тоже есть плюс: она с радостью прогоняет из квартиры всех, кто пришел в нее с плохими намерениями. Пять лет назад, летом, я, помнится, ушла из дома, не сильно беспокоясь о том, чтобы запереть входную дверь. Тогда к нам нагрянули гости. Один. Нечисть его выгнала, конечно, но он успел схватить мамины кожаные перчатки, которые постоянно лежали у нас на одном и том же месте. Полицию мы, конечно, не вызывали, но я редко видела отца таким

расстроенным.

Даже больше: я не понимала, с чего он так грустит. Но осуждать вслух не стала. Зато научилась закрывать дверь.

Два оборота, сопровождаемых поскрипыванием, и я помчалась по лестнице. Ещё пара минут – и оказалась на улице.

Жарко. Даже сейчас, когда солнце не просто светит – горит. Улица кажется совершенно безмятежной и бездыханной, лишь вдалеке слышится чей-то смех. Я распрямила плечи, подняла голову, вдохнула раскаленный воздух и вновь двинулась с места.

Так, супермаркет. Еда домовому и хомяку. Отличное сочетание. Может быть, и себе что-то прикуплю. Или отцу... Впрочем, когда он в последний раз мне еду покупал, месяц назад? В данный момент еда у нас дома отсутствует, как и отец, собственно.

Да и вообще, дома у нас творится полный бардак. Как начался семь лет назад, так мы до сих пор его разгрести не можем. Но я уже привыкла. Насчет отца сказать не могу.

Солнце, солнце... Я ведь знаю, что его зарево ещё долго будет освещать небо. Не люблю солнце, но оно постоянно меня окружает. К счастью, живущая во мне тьма не дает ему завладеть мной полностью.

С супермаркетом справилась быстро. Схватив коляску для продуктов, в которую влезла бы я сама, кинула в нее молоко и смесь семян для Хомячидзе – на ее глубоком дне они казались совсем ничтожными и настолько же несчастными.

Вдоволь накатав сироток, я вернулась к витрине с молочными продуктами и схватила ещё и творог. Прикатившись к самому входу в супермаркет, положила в коляску сушеный ананас и мандарины в гламурной оранжевой сеточке. Над последними я, кстати, простояла дольше всего, по ходу уронив ещё и яблоко. Ну ничего, словила в полете, как и несколько укоровизненных взглядов покупателей, которых тут оказалось достаточно.

За покупку я расплатилась тоже шустро и уже через пятнадцать минут после того, как покинула дом, выходила из супермаркета. Небо за то время, пока я развлекала коляску для продуктов, прогорело и потускнело. Но не погасло во-все. Это, пожалуй, было даже хорошо: я могла спокойно вернуться домой и продолжить изучение нечисти, не включая при этом все осветительные приборы в доме. А нечисть изучать надо было... Отец ведь заставил.

Даже одна мысль о нечисти навела на меня тоску, и я зевнула, прикрыв рот ладонью. А, может, это и солнце виновато было: растаяла я под его лучами, как мороженое, и очень захотела спать.

Обитатели нашей с отцом квартиры меня уже поджидали. Домовому я налила молоко в фарфоровое блюдце – все, как полагается, домовый у нас и без того современными технологиями запуганный, себе намешала творог с фруктами. Только Хомячидзе остался обделенным. Но он не обиделся: копошился в своей самодельной норке, наверняка проверяя,

в порядке ли запасы.

Меня уже ждала нечисть.

Возвращаться к ней не хотелось, но пришлось, и я пошла к себе в комнату. Солнце почти погасло, поэтому светильник, стоящий на комоде, включить все же пришлось.

В комнате было свежо: вентилятор все то время, пока я ходила, работал. И, только когда я уселась на кресло и водрузила чашку с поздним ужином на комод, я поняла, что повлиял он не только на температуру воздуха.

Листы колдовской книги перевернулись, перекинув меня с нечисти наподобие полуденницы в отдел демонов.

Я – ведьма, а потому я просто не могла не верить в приметы. Глаза сами собой побежали по ровным строчкам. Просто узнаю, что же там такое...

На заднем плане лакомился молоком домовой.

Зато на переднем плане я всего лишь читала книжку. По черной магии. Отдел с демонами, последние страницы.

Ритуал по вызову.

Не запретный, но восхищенных аплодисментов, несмотря на устоявшиеся в обществе предрассудки, не последует.

Конечно же, я мысли даже не допускала о том, чтобы провести его. Я не настолько наивная и в черной магии уже разбираюсь. Но упрямая – беги и падай. Это частенько мою жизнь приключениями наполняет.

Вот и тогда... Я ни за что не стала бы вызвать этого демона, если бы не один телефонный звонок.

Позвонила история, которая никак не желала меня отвязаться. Посредник отца и все такое. Великолепный черный маг. Гроза всея молодых ведьм, а, особенно, одной из них, которой почти два месяца назад уже исполнилось семнадцать! Я не молодая!

Как наяву помню: не отрывая взгляда от книги, я вытащила мобильник из кармана в полной уверенности, что звонит Влад – противные звуки его персональной мелодии для звонка служат отличным оповещением. Вежливостью я никогда не отличалась, тем более, в общении с Владом, поэтому и тогда выдала только:

– Что?

Времени – двенадцать минут одиннадцатого. Влад считает, что в это время я ещё бодрствую?

Ну ладно, да, я бодрствую – сову из меня не изгнать. Но разве не могло случиться такое, что я вдруг стала жаворонком?

Влад в это, пожалуй, тоже не верил: я не умела ни рано ложиться спать, ни петь. Последнее – обиднее всего.

– Здравствуй, – отозвался он.

Резину тянет. Интеллигент. У меня тут, между прочим, самый интересный момент в книжке. Кульминационный, можно сказать.

– И? – поторопила его я.

Влад вздохнул. Может быть, даже взъерошил волосы. Закатил глаза. Потопал ножкой. Беззвучно поплакал, страдая

от моего невежества. Но все же расшевелился.

– Почему магпочту не проверяешь?

– А зачем мне ее проверять?

Влад пару секунд помолчал, а потом признался:

– Я отправил тебе цветы.

– Асфodelь? – недоверчиво уточнила я. Не слишком верилось в то, что ради меня Влад по-быстрому съездил на греческое кладбище и сорвал букетик этих замечательных цветов, которые иногда называют ещё цветами смерти... и про которые я только что читала. Их указывали в необходимых ингредиентах. Средневековье прошло, а фокусы с печенью саламандры и перетертой асфodelью остались. Магию да, помогают концерттировать – правда, едва-едва. Мы, маги современности, и самостоятельно на такое способны.

Но вот если бы я решила сварить зелье...

– Зачем тебе асфodelь? – насторожился Влад.

– Полынь и мята у меня ещё есть. А зачем мне какие-то другие цветы?

– Поставить в вазу? – предложил он.

– Слишком просто.

Влада я не любила. Во всех смыслах. Но утверждать о взаимности этого чувства не могла. Мало ли, что у него в голове.

– К тому же, у меня нет вазы, – продолжила я. Шустро взглянула на вазу, в которой до сих пор стояли прошлые цветы, и добавила: – С недавнего времени. Хомяк разбил. Опять Татьяна Валерьевна передает?

Татьяна Валерьевна – это мама Влада. Он как-то водил меня с ней знакомиться. Влад предложил осуществить это знакомство в тот редкий день, когда отец был дома, поэтому отказаться не вышло, как и по-тихому сбежать. К счастью, Татьяна Валерьевна оказалась человеком более приятным, чем ее сын, и понравилась мне гораздо больше. У нее не было способностей к магии – если следовать генетике, и она, и ее муж имели по одному рецессивному гену, влияющему на способность к магии, именно поэтому Влад родился таким одаренным. Зато она владела милой цветочной лавкой. Так как я тоже показалась ей приятной (что удивительно), она часто передавала мне через Влада небольшие презенты. И даже предлагала встретиться ещё раз.

Я бы, может, и встретилась, если б не ее сын. Нервирует он меня, и все тут.

– Мама тут не при чем, – отозвался Влад. – Как и хомяк, я думаю.

– Это все магия, – подтвердила я рассеянно, вновь обращаясь к книге.

– И все-таки, посмотри магпочту.

– Я занята, – заметила я. Спихватилась уже позднее. Влад – не промах, с ним вообще разговаривать опасно. Шаг влево, шаг вправо, попытка к бегству, расстрел.

– Чем занимаешься? – насторожился он.

Я взглянула на аккуратное изображение очень неаккуратного демона, что располагался на следующей странице после

меня заинтересовавшего. Нет, этот, конечно, вообще никудышный... С таким ничего интересного не поделаешь, кроме, может...

– У меня свидание.

Ну а почему бы нет? Очень приятный гражданин, между прочим, если смотреть в книжку с расстояния десять метров, при этом имея близорукость, хоть и не сильно развитую.

– Не нужно меня обманывать.

– С чего ты взял, что я тебя обманываю? – искренне возмутилась я. – И вообще ты меня отвлекаешь.

– Какое у тебя свидание может быть в десять вечера?

То есть, разговаривать с ним в десять вечера я могу, а ходить на свидание – нет. Совсем Влад в меня не верит. Надо, что ли, для приличия на свидание сходить, чтобы он во мне не сомневался. Были бы ещё кандидаты, которые пригласят...

Я бросила взгляд на магпочту со спрятанными в ней цветочками – что, между прочим, делать запрещено: по новым правилам, которым уже лет десять, магпочтой разрешается присылать только бумажные письма – и поняла: на свидание не хочу.

– Уговорил, – я вздохнула. – Свидание у меня уже закончилось, и сейчас я провожу ритуал по вызову демона.

Я решительно встала, отложила книгу и направилась в кухню за свечами. Если Влад снова не поверит, поставлю ее на пол и сделаю фотографию – вещдок, так сказать.

– Чего? – удивился Влад.

– Что, опять неправдоподобно?

– С правдоподобностью все в порядке. Ты часто делаешь то, в чем плохо разбираешься.

– Это я-то плохо разбираюсь в ритуалах?

Возмущенная, я едва успела подхватить толстую желтоватую свечу, которая выскользнула из шуршащей упаковки.

– Ритуалы требуют собранности и концентрации, – начал лекцию Влад. – К тому же, вовремя их затрачивается большое количество энергии. Далее: только безумцы проводят их в одиночку...

Долго это слушать я не могла. Влада пришлось прервать:

– То есть, я не способна?

– Я могу приехать и помочь.

Я опешила. То есть, он не имеет ничего против того, чтобы я вызывала опасного для чужих жизней демона, ну или хотя бы какого-нибудь демона, но не хочет, чтобы я делала это в одиночку? Забота, однако.

– И зачем тебе этот демон?

– А тебе?

– Дай подумать. Может быть, потому, что я могу вызвать его сама?

– Или душа у тебя объемная. Яна, – воззвал меня к порядку он. – Не делай глупостей, тем более в одиночку.

– Обещаю, – согласилась я. И добавила: – Обещаю, что в следующий раз буду делать глупости под неусыпным взгля-

дом отца.

Я отключилась, убрала мобильник в карман и, покрепче подхватив упаковку свечей, вернулась к себе в комнату. Оставила их тоскливо лежать на комод, вместе со съеденной хомяком вазой. Думая о своей неспособности проводить ритуалы, я сама собой оказалась перед шкафом, наполненным всякими магическими принадлежностями. Открыла, рассеяно оглядела содержимое и вытянула с верхней полки самую плотную черную штору.

Может быть, мне солнце надоело.

Хотя оно и скрылось – на небе оставались лишь его следы, но тьма долгой не бывает – вот-вот зажгутся фонари.

Дальше дело пошло само собой. Я плавно перешла вместе со всем необходимым в соседнюю комнату, маленькую и пустую, предназначенную для всяких интересных делишек. Сменила пестрые шторы на окне на непроницаемые черные. Расставила свечи по пяти углам... Пентаграмму рисовать необязательно, это для новичков. Достаточно круга. Тут гораздо важнее – правильно начертить руны, данные в книге. За ней пришлось возвращаться к себе.

Минут пять я провела, пока разглядывала руны и старалась их запомнить. Подглядывать, конечно, не возбраняется, но гораздо интереснее и профессиональнее чертить их наизусть.

Ух, насыщенный вышел у меня вечерок!

Демон должен получиться маленький. Если использовать

чуть меньше энергии, он выйдет ещё и слабым. К тому же, всегда можно вернуть его обратно, если они с домовым не уживутся. Описание у демона стандартное. Никого не съест и не покалечит. Чего тут не уметь?

Я задумчиво провела ладонью по волосам.

Как-то я уже, однако, устала. Но самое интересное впереди. Не бросать же теперь? Я привыкла доводить дело до конца. Брошу – опять Влад будет издеваться. Конечно, я же не такая восхитительная, как он.

Дешевый мел оставлял на пальцах белую пыль. Огоньки свечей чуть подергивались, что ужасно меня нервировало – при таком ритуале пламя должно быть идеально ровным. Кажется, к тому же шуршали шторы. А когда я заканчивала последний символ – рисовала почти наизусть, лишь изредка заглядывая в книгу, мобильник в кармане завибрировал, оповещая о сообщении.

Современность, конечно, и все такое... Но вот такие фокусы при ритуале нежелательны.

Сначала я хотела проигнорировать чье-то желание пообщаться, но после, когда закончила последний символ, все же достала мобильник. На экране значилось лаконичное: «Я рассказал обо всем твоём отцу».

Я вспомнила про цветы, которые так и продолжили лежать в ящике магпочты, и напечатала ответ. Следы от пальцев, замаранных мелом, остались на гладком экране в качестве разводов.

«Я тоже потом расскажу, Влад».

Обиделся? Что я не пригласила его вызвать демона вместе со мной? Какой вздор!

Впрочем, Влад удружил. Отец доверяет своему ученику частенько даже больше, чем мне, поэтому сейчас с радостью вспомнит о существовании дочери и примчится посмотреть, как же я поживаю.

Тогда действительно придется заканчивать ритуал, сидя с отцом по соседству.

Спешка в проведении ритуала недопустима. Но мне было некогда медлить. Нужно было закончить начатое, верно. Я быстро сравнила руны в книге, которой уже неизвестно сколько лет, и руны, нарисованные мной мелом на черном паркете. Одинаковые. Вроде бы.

Проверила все пять свечей. Горят. Посмотрела на шторы. Лучей не проникает. Дверь из плотного полотна закрыта за спиной. Полную темноту развеивают лишь свечи, лишь они позволяют мне разглядеть собственные художества.

Можно приступать к самому интересному.

Я прикрыла глаза и погрузилась в плотную чернильно-черную мглу, изредка поблескивающую белыми кристаллами. Пламя свечей здесь бы не помешало, но я давно научилась ориентироваться в этом пространстве и без него.

Шаг, ещё...

В такие моменты кажется, будто ты проходишь сквозь толщу воды. Липкой, грязной. Зато она таит в себе много инте-

ресного. Ведь все мои воспоминания, все мои чувства хранятся здесь.

Это – моя душа.

И сейчас я пожертвую ее частицу на то, чтобы доказать полную чепуху Владу, который совершенно мне безразличен. Впрочем, чем ещё заняться нам, черным? Белые утверждают, что мы погрязли в пошлости. Что мы завистливы и корыстны.

Они – по крайней мере, им хочется в это верить – совершают дела во имя добра и света. А мы... А что с нас взять?

Я прикоснулась к меловым рунам. Это вовсе не обязательно, но мне проще работать, если я чувствую контакт. Спусти пару секунд стало чуточку легче: ещё бы, ведь говорят, что черная душа тяжела и добавляет нам пару лишних килограммов. Всегда можно оправдать лишний вес именно ей...

Значит, сейчас я немного похудела. Проблема в том, что эти граммы уже не вернешь.

Передачу энергии пришлось резко прекратить, чтобы не перестараться.

Все, теперь глаза можно и открыть.

Профессионалы и вовсе не закрывают их.

Белые руны вспыхнули лакированным чернильным, после эти краски стали угасать. Верно, правильно... Так и должно быть. Скоро эти руны исчезнут вовсе, и откроется портал.

В комнате поселился маленький ураган. Взметнулись волосы, свечи потухли – лишь только руны излучали свет, ко-

торый постепенно гас.

Сейчас получится, думала я.

Но руны потухли, портал начал открываться, а демон так и не появился.

Я упорно ждала его, но даже мое терпение не безгранично.

Я поднялась с отеких колен, щелкнула выключателем, и комната осветилась таким привычным неестественным светом. Глаза жадно впились в окружающую обстановку, обследовали углы: где, где, где? Неужели демон получится таким маленьким, что я не могу его увидеть?..

Безвольно опустила голову, и я заметила очертания рун. Такого не должно быть: обычно при ритуалах они стирались полностью: нарисованные и мелом, и кровью, они исчезали. Так говорил отец. Я сама это наблюдала.

Я лихорадочно схватила книгу. Где я ошиблась? Почему ритуал вдруг оказался пустым? Неужели тут действительно не обойтись без асфодели? Без нее я не смогла правильно сконцентрировать энергию? Не может такого быть! Ведь всегда получалось!

Услышав дверной звонок, я в первую очередь подумала о том, что некоторые демоны, в отличие от нечисти, отлично ладят с современными приборами и могут самостоятельно попроситься в гости к хозяйке, немного ошибшейся с координатами.

Но по ту сторону двери оказался отец. Мои глаза лихорадочно блеснули, когда я открывала ее.

Глава 2. Маленькая смерть

Отец никогда не кричит. Говорит всегда спокойным, ровным тоном. Независимо от смысла сказанного, его лицо остается равнодушным. Мне в этом плане тяжелее: я ещё не настолько идеально-сдержанная. Хотя по знаку гороскопа и отец, и я – тельцы.

Может быть, мне когда-нибудь перейдет и эта его черта. Я буду также холодна и безупречна, как и отец.

А ведь он оставался таким даже во вчерашний вечер, когда увидел, что я наделала, хотя и сотворить что-то материальное и не удалось.

Буду надеяться, когда-нибудь отец и обзаведется такой чертой, как доверие к дочери. Вчерашним же вечером он пришел проверить, правдивы ли слова, сказанные его лучшим учеником. План Влада сработал.

Комнату, в которой проводился ритуал, отец обследовал быстро. Он оглядел и потухшие свечи, и исчезнувшие руны, и открытую книгу. Может быть, даже подумал, что я, как нуб, списывала с нее руны. Я все это время стояла за его спиной, рассматривала темно-синюю рубашку, в которую он был одет.

– И как это понимать, Яна? – с полным безразличием произнес отец после.

– Ритуал оказался пустым, – отозвалась я. И добавила: –

Хотя я сделала все правильно.

– То, что ничего не вышло, я вижу сам, – заметил он. – Меня интересует другой вопрос: зачем ты вообще его провела?

– Отец, – начала было отвечать я. Но неожиданно стусевалась – как будто ко мне действительно пришло осознание того, что ничего не вышло. Повторила: – Отец... Тебе ли не знать, как нам, черным, не хватает практики?

В коридоре зашевелился хомяк-полуночник. Из приоткрытой двери доносилось шуршание.

– Ты прекрасно знаешь, почему мы не занимаемся этой практикой, Яна. – И добавил тем же тоном: – Думаю, тебе надо отдохнуть.

– Я не устала... – пробормотала я.

Но отца было так просто не остановить.

– Кому, как не мне, знать, устала ты или нет? И, тем более, одному мне известно, как воспитывать дочь. Именно поэтому завтра ты отправишься к тете. На некоторое время. Без магии.

– Что? Почему?..

Отец вскинул брови и наградил меня внимательным взглядом. Глаза у него такие же, как у меня: могли бы быть идеально-серыми, как грозовое небо или сталь, но это небо и эту сталь покрывала зеленая болотная тина, сосредоточившаяся у зрачка. И не серые, и не зеленые. И не темные, и не светлые.

Сейчас они недобро блеснули.

– Ты слишком часто пользуешься магией.

– Нормально я ей пользуюсь...

– Но мы не светлые, чтобы эта магия была для нас бесконечной.

– Я помню.

Я родилась, когда отцу было двадцать семь. За несколько дней до моего последнего дня рождения ему исполнилось сорок четыре. Но морщины на его лице почти не выделялись. Может быть, потому, что он одинаково мало и хмурился, и улыбался.

Не-бесконечная магия.

Когда-нибудь она исчезнет вовсе, и тогда я умру. Это я тоже помнила.

А ещё я знала, что есть те, кто полностью тратит свой резерв – свою душу – но продолжает жить. Закрывает душу непробиваемой стеной и мирится с тем, что теперь он не может колдовать.

Но жизнь без магии для меня равносильна смерти.

Можно жить без ноги и без руки. Но как жить без души?

– Я догадываюсь, о чем ты думаешь. Яна, – отец пронзительно взглянул на меня. – Просчитываешь перспективы? Размышляешь, чем займешься?

Он издевался. Честное слово, издевался!

– Лучше умереть... – сказала еле слышно.

Но отец, несмотря на возраст, слухом обладал тончайшим.

– Значит, ближайшие несколько дней тебе придется побыть живым мертвецом. Думаю, это будет интересный опыт. Что скажешь?

– Все, что бы я не сказала, прозвучит слишком обидно для тебя, – пробубнила я. Хомячидзе продолжал свои важные дела и этой активностью совершенно случайно вдохновил меня на следующую фразу: – А кто будет ухаживать за хомяком?

– Я, так и быть, поживу ближайшие дни дома. Поэтому с ним все будет в порядке.

Удивительно: отец готов был жить дома ради моего хомяка, но не ради меня.

Впрочем, живи он дома, количество моих экспериментов уменьшилось бы раза в три.

– И что мне делать у тети? Без магии?..

– Общаться с людьми. По-моему, ты слишком много времени посвящаешь учебе, и это не идет тебе на пользу. Зачет по нечисти проведем позже.

Отцу не угодить: ему не нравилось, когда я не училась, и ему не понравилось мое усердие. Наверное, мне никогда не стать такой идеальной, как его любимый ученик, Влад.

Красота в глазах смотрящего.

Я уже привыкла к тому, что никогда не достигну папиного идеала.

Молча развернувшись, я покинула комнату. Возвращаясь к себе, коснулась прутьев клетки, в которой копошился

хомяк. Выключила кондиционер – вместо него приоткрыла оконную форточку, чтобы впустить ночной воздух, надеясь, что тот чуть свежее дневного. Несколько мгновений я смотрела на горящие окна противоположного дома: мне показалось, что они складываются в руну. А потом, обернувшись, встретила взглядом с отцом.

– Чемодан соберу завтра утром, – заметила я.

– Надеюсь, ночью ты не решишь провести ещё один ритуал?

Этими словами он напомнил мне Влада. Или Влад очень напоминал отца. Наверняка старался ему подражать.

– Блокируй, пожалуйста.

И я приблизилась к отцу.

Такое уже происходило. Ритуал безболезненный, но опустошающий. Встреча глаз. Легкое касание плеча. Вопрос: «Согласна ли ты...». Согласна ли ты отказаться от своей магии, хоть и на время? Если магия – твоя жизнь. Только магия постоянна, она живет внутри, тогда как все остальное приходит и уходит: и отец, и мать, про которую я вовсе не хочу вспоминать, и Влад, и хомяк – говорят, они тоже живут недолго. Такой вопрос звучит невыносимо.

«Согласна ли ты?».

Такова уж формальность. И я обязана была произнести это «да», хотя внутри меня пульсировало уверенное: «Нет, нет, нет!».

Все же я бы предпочла смерть жизни без магии. Это сей-

час я знаю, что скоро она вернется. Но если бы я знала, что мой резерв пуст – а восстановить его нет никакой возможности, смогла бы я согласиться на такую жизнь?

Действительно, не стоит тратить ее на самоутверждение над какими-то Владами.

В это время дверца внутри будто бы закрылась, и стучать было бесполезно.

– Спокойной ночи, – отозвался отец.

– Я все равно не усну, – заметила я.

И только тогда позволила себе закрыть дверь, ведущую в мою комнату.

Эта ночь, действительно, выдалась для меня бессонной.

– Яна!

Из раздумий меня вывел звонкий мальчишеский голос, прозвучавший над самым ухом. Я с некоторым удивлением взглянула на травинку, которая в моей руке превратилась в несчастные лохмотья, отбросила ее в сторону и подняла голову.

– Мама зовет есть. Сказала мне тебя позвать.

– Я же ещё не прополола, – заметила я, чуть улыбаясь.

Пашка, стоящий в позе «руки в боки», цокнул:

– Это, конечно, плохо... Поешь – и сразу за работу.

Улыбка стала ещё шире. Молодец – парень хозяйственный, с таким не пропадешь. Двоюродную сестрицу припахивает на раз-два.

Пашке через несколько месяцев исполнится шесть лет – он растет крепким, здоровым, улыбчивым, ну и да, практичным мальчиком. Единственный сын в семье. Рожденный спустя три года после того, как в жизни тети, папиной сестры, произошла трагедия.

Мы не любим об этом говорить. Если вдруг кто-то вспоминает ту трагедию в разговорах с отцом, тот упорно меняет тему. А я...

Все-таки хорошо, что тете стерли память. Я бы не смогла жить, если бы в моей жизни случилось такое событие, которое пришлось пережить тете. Сейчас с ней все хорошо, на первый взгляд – уж точно. Но я обрывками помню события, произошедшие почти десятилетие назад. И пережить подобное я не пожелала бы и врагу.

– А знаешь, что говорит мама? – отвлек меня от раздумий Пашка.

– Ну и что же?

Я поднялась с лавочки и взглянула на Пашку сверху-вниз. Он без стеснения подхватил меня за руку и повел ко входу в дом, будто сама я дороги не помнила. Его карие глаза светились лукавством, а на щеках то и дело появлялись две ямочки.

Хороший мальчик. Из него наверняка получился бы хороший черный колдун. Но проблема заключается в другом. Родиться темным магом не самая приятная участь. Мы привыкли, что наши души – наша магия, и не сможем жить,

когда потеряем ее – если, конечно, нам не сотрут память. Но представить на миг, что такой милый, светлый мальчик вдруг станет темным магом...

Мне просто не оставалось выбора. Когда оба из родителей – черные маги, ребенок обязательно станет таким же. Это даже генетика подтверждает. А Пашка...

– Что ты в последнее время стала на себя непохожей. Мама переживает о том, что у тебя случилось, – и Пашка повзрослому покачал головой. – Тебе не нравится гостить у нас?

– Почему же? – я посмотрела на него большими глазами. – Безумно нравится. Я очень по тебе скучаю, правда. И разговаривать с тобой одно удовольствие.

– Но приезжаешь редко, – упрекнул меня Пашка.

– Учусь, – я вздохнула.

Стало стыдно. Мне, ведьме, черной колдунье, которая проводит ритуалы по вызову демонов – едва ли не запретные, между прочим, и постоянно тусуется в компании – или в отдаление от компании – таких же, как она, стало стыдно.

– Иногда надо отдохнуть... – заметил Пашка.

Кажется, в некоторых аспектах жизни он разбирался лучше семнадцатилетней меня.

– Твой дядя тоже так говорит, – сдала я отца. – Постараюсь отдыхать, Паша. И приезжать к вам почаще. У меня же и хомяк к тому же дома... Его я тоже оставить не могу одного.

– Хомяк... – протянул Пашка восхищенно. Остановился,

забыв об обеде.

Ну вот, а я так этому огорчилась. О кошке мечтала. Черной. А кому-то для счастья хватает фразочки про хомяка.

– Может быть, – братец вновь сделал серьезный вид – не хватало только галстука, – дядя разрешит хомяку немного погостить у нас?

– Ой, нет. Навряд ли. То есть, – спохватилась я, – не потому, что дядя настолько злой, а потому, что хомяку будет трудно перенести дорогу, – я вспомнила полтора часа трясучки в жарком автобусе, – лучше ты сам приезжай к хомяку в гости. – И повторила: – Ой, нет...

Радужное предложение, которое зажгло в глазах Пашки предвкушающий огонек – наш, черномагический огонек! – я тут же поспешила отвергнуть. Вспомнила беспорядок в комнате, и шкаф с магическими вещами, и комнату с рунами, которые так никто и не стер – домовый наверняка очень переживает по этому поводу, и решила, что так просто принять гостей не могу.

Мы к приезду тети готовились так, будто нас ревизор грозился навестить: не нужно было, чтобы хоть что-то напомнило ей о прошлой жизни. Даже домовый в это время сидел тихо-мирно – понимающий старичок, хоть и вредный. Благо, тетя приезжала не чаще раза в год.

– Почему-у-у? – протянул он.

– То есть... – попыталась я оправдаться.

Мы поднялись на ступеньки веранды. Через пару мгнове-

ний дверь в дом распахнулась, и из-за нее выглянула улыбающаяся тетя, каштановые волосы которой напоминали пружинки.

Внутри что-то больно кольнуло, но внешне я осталась невозмутимой.

– Дети! Почему так долго к столу идем?

– Мамочка! – Пашка ответил ей лучезарной улыбкой. – Яна пообещала мне, что покажет хомяка. Мы приедем к ней в гости, и я буду с ним играть.

– Правда? – тетя подняла на меня взгляд.

Порой я думаю, что ей гораздо больше пошли бы светлые глаза, голубые или серые. Но они были у тети темно-карими, почти черными, и очень пронзительными.

Один правильно брошенный взгляд таких глаз посеет внутри страх.

Но тогда тете это не помогло.

– Не уверена, что Хомячидзе выдержит, – отозвалась я, – но попробовать можно.

– Его так зовут? – она приподняла брови.

– Оригинальность – это точно не я.

Тетя рассмеялась.

Она не отличалась высоким ростом, всегда была худой, но изящной: с тонкими запястьями и высокими скулами, как у отца. Очень миловидная, если бы не глаза...

Я совсем не походила на нее. Пожалуй, единственное наше сходство заключалось в одинаковом цвете волос.

– Обязательно приедем, – заметила тетя. – Тем более что Паша действительно не видел твоего хомяка. А он у нас любит животных. Думаю, нам надо обзавестись и собственным когда-нибудь.

Пашка покивал, и она продолжила:

– Например, мы можем завести кошку.

– Черную, – само собой вырвалось у меня.

Мы с тетей переглянулись, и в ее темных глазах вспыхнуло понимание. Неужели я проболталась? Но в следующее мгновение она вновь улыбалась, и от той магии в ее глазах не осталось и следа.

– А пока идем есть.

И мы вошли внутрь: сначала тетя, потом я, а за нами – хлопающий в ладоши Пашка. Теперь хомяк не слишком его привлекал. Ну, если бы мне вдруг сказали, что у меня будет кошка, я бы вела себя точно так же. Впрочем, с Хомячидзе мы уже сроднились.

Домик у тети был маленький, но уютный и вполне современный. Большие пластиковые окна, батареи, ламинат – все это тут присутствовало, и отец неплохо поспособствовал тому, чтобы оно появилось. Допустить, чтобы тетя жила в неблагоприятных условиях, нам не хотелось. Изначально мы вообще думали, что после переворотного события тетя будет жить в городе, недалеко от нас. Но так и не смогли уговорить ее на подобное.

Говорят, маги хорошо чувствуют природу и привыкли

жить в гармонии с ней. Могу поспорить: это, скорее, относится к белым магам, мы, черные, все-таки другие. Но тетю неожиданно потянуло сюда.

Мы оказались в коридорчике, уходящем вдаль. Двери налево вели в спальню и детскую, дверь направо – в гостиную. Именно в ней мне определили место. Там уже сейчас стояла сложенная ранним утром сегодняшнего дня сумка, из которой я вытащила пока только шорты. Дальше коридорчик поворачивал направо, и мы попадали на кухню. Если повернуть не осмелишься, врежешься об дверь в ванную комнату.

Нам поворачивать все же пришлось.

На круглом стеклянном столе уже стояли тарелки с ароматным супом, от которого отходил пар. Пашка сразу уселся на стул, расположенный в центре. Тетя села спиной ко входу. А я повернулась своими чудесными волосами, собранными в хвост, к окну.

Не люблю, когда солнце светит мне в глаза.

Ослепляет. Затмевает мой, личный, талант.

С такой стихией глупо бороться. Может, когда-нибудь я все же попробую.

Зеленые стеклянные вставки на гарнитуре не добавляли оптимизма в мою жизнь, в которую вновь вернулась неопределенная апатия.

С обедом покончили быстро – тетя всегда готовила хорошо. Пашка сорвался с места первым и умчался в свою комнату, обещая, что сейчас покажет мне чудесную игрушку, са-

молет, который почти настоящий, а потому летает. Я, доев суп, поднялась со стула и захватила тарелки – свою и Пашки – чтобы поставить их в раковину.

Потом помою. Надо же как-то себя проявить. У тети тарелку отберу и сразу помою. Но тетя так быстро отдать тарелку не спешила: прежде я должна была разгадать загадку. То есть, просто ответить на вопрос, перед этим выслушав тетино размышление.

– Ты стала слишком задумчивой в последнее время, – вдруг произнесла она. – Что-то случилось?

– Я такая по жизни...

– Но сейчас – особенно? Влюбилась?

Тарелка выскользнула из моей руки аккуратно в центр поблескивающей металлической раковины. Я обернулась и недоуменно взглянула на тетю.

– Я не влюблялась, – отозвалась я искренне. – Зачем?

– Ну как же? – тетя по-доброму хмыкнула. – Ты юная и красивая. Такие, как ты, привлекают к себе внимание. Нежели никто из твоего окружения не заслуживает твоей любви?

На ум сразу пришел Влад, который не далее, чем вчера вечером, обрадовал меня своим звонком. Закончился звонок не слишком и приятно, конечно же. А началось все с просьбы – просьбы проверить магпочту...

...которую я так и не проверила. Придут письма – а им не хватит места. Или, что лучше, стражники магпорядка решат проверить, не посылает ли кто-то по магпочте что-то, кроме

писем. И получит тогда Влад. А потом уже несдобровать мне.

Сам виноват. Как будто я у него эти цветы выманивала.

Но забрать все-таки надо было. Хотя это и не асфодель. А коробочка от магпочты осталась дома, чтобы портал не сбился... также дома остался отец, который клялся ухаживать за хомяком, поэтому наведаться к себе в комнату он мне не даст.

– Есть? – тетя улыбнулась.

– Нет, – я помотала головой, – а хомяка я люблю с момента его появления. Просто я вдруг поняла, что одно человека подставила... немного.

– Когда уехала к нам?

– Просьбу выполнить забыла.

– И что теперь будет? – тетя нахмурилась.

И действительно, что будет? Влад получит в штыки от стражников, поймет, кто же во всем виноват, и станет звонить мне. А я побоюсь ответить. Тогда он придет ко мне в гости, но вместо меня обнаружит отца, если тот действительно решил пожить дома. Отец, конечно же, скажет, куда я пропала. Тогда Влад приедет сюда, к тете, а ноги у него длинные, и я не успею убежать.

Я помотала головой и ответила:

– Надеюсь, что... – слова про то, что я успею спрятаться, вслух произнести не вышло, поэтому я произнесла: – что все будет хорошо.

Все-таки, служители магпочты порой попадают лени-

вые и понимающие. Они забывают проверять магпочту, особенно, если это магпочта косвенно относится к такому колдуну, как мой отец.

Тарелку я у тети все же забрала.

Вернулся запоздавший Пашка: в руках он нес самолеты аж в количестве двух штук. Действительно красивые были самолеты, будто настоящие, но уменьшенные, белые, с блестящими боками. А в самолетах я толк знаю: каждые полгода провожаю отца в аэропорту.

Сама, правда, летала только единожды, шесть лет назад, и сейчас понимаю, что мне не следовало тогда улетать. Но разум шепчет: «Ты бы все равно не смогла ничего исправить. Ты не смогла бы остановить ее».

Я взглянула на счастливого Пашку.

Давненько в моей жизни не случилось потерь.

– Шикарные самолеты, – честно призналась я. Пашка протянул мне один из них – тот, что был побольше и красовался синим хвостом, и я взяла его в руки.

Были бы у меня такие крылья... Я бы осмелилась однажды взять и улететь.

– И летает! – провозгласил Пашка. – На пульте управления. Я его, правда, так и не нашел.

– Найдем, – отозвалась я рассеянно.

– Ты бы тоже себе такой хотела? – сделал выводы братец.

Тетя с жалостью посмотрела на меня. Моя трагедия, в отличие от собственной трагедии тети, была отлично ей из-

вестна.

— Конечно, — я покивала.

— А хочешь... — Пашка шумно выдохнул, — хочешь, я тебе его подарю?

— Ой, Пашка! — отозвалась я. — Навряд ли я смогу играть с ним так же хорошо, как и ты. А что зря пропадать такому великолепному самолету? Если он вдруг мне срочно понадобится, я возьму его в аренду. Договорились?

«Аренда» Пашке понравилась, и он ответил, что с радостью поможет мне в этом нелегком деле.

Входная дверь дома распахнулась, и со стороны порога понеслось вопросительное:

— Тетя Наташа? Простите, что без приглашения. Мама поделилась, что...

Голос принадлежал девушке, был звонким и неровным, а ещё показался мне знакомым. Но имя той, которой принадлежал этот голос, не хотело посетить мысли.

Я, все ещё держа самолет в руках, вышла в коридор и взглянула в проходную, высунув голову из-за арки.

— О! — глаза говорившей расширились. — Яна! К тебе я и пришла. Давно не виделись.

Теперь понятно, почему я узнала этот голос. У двери стояла моя бывшая подруга: мы познакомились с ней, когда тетя поселилась в этом доме, пять лет или даже больше проводили вместе... кроме прошлогоднего и этого, соответственно.

– В этом нет ничего удивительного, – заметила я. – Ты же сама сказала, что больше не хочешь меня видеть, Оля.

Она опустила голову, будто вдруг испытала смущение. Но я-то знаю – ничего подобного Оля не испытывала и вовсе казалась милой только на первой взгляд. Она была такой вредной, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и мне, черной колдунье, которой по закону требуется быть таковой, до нее ещё далеко. Мерзопакостная леди, и никакие рыжие косички и платье в ромашку меня в этом не переубедят.

Пашка тоже выбежал в прихожую и радостно воскликнул:
– Оля!

Она умиленно сложила руки на груди, а я закатила глаза.

– Ты показываешь сестренке самолетики? – просюсюкала Оля. – Какой ты молодец, уже совсем повзрослел, а Яночка этого и не замечает.

– Яночкино зрение – восемь и восемь, поэтому я ещё не настолько слепа, Оленька.

Захотелось продолжить ссору, которая произошла между нами почти два года назад, и, наконец, высказать то, что я думаю по поводу этой двуличной девушки.

Я злая. Но я хотя бы этого не скрываю. Лучше уж искренне быть злой, чем улыбаться в лицо, а за спиной говорить гадости, как это произошло позапрошлым летом. Потом Оля, помнится, в этих гадостях сделала виноватой меня же. А она в этой деревеньке – некто вроде авторитета, поэтому все ей поверили. Я, соответственно, осталась несправедливо окле-

ветанной.

Есть у меня знакомая, Вика, которую я не люблю до жути. И она похожа на Олю. Но гораздо более хитра и проницательна моей несостоявшейся подруги.

А ещё она ведьма, как и я. И это усиливает нелюбовь раза в три.

Оля же просто меня раздражала.

В коридор вышла и тетя. И гостье она тоже обрадовалась.

– Здравствуй, дорогая. Так что там говорила твоя мама?

– А! – Оля махнула рукой. – Сказала, что видела, будто Яна приехала. А мы с ней не виделись уже два года, и я поняла, что нужно это исправлять.

– Зато я ничего такого не понимала, – заметила я.

Тетя кивнула и поделилась:

– Яна у нас совсем печальная. Может быть, хоть ты сможешь ее немного развлечь. Мне грустно на нее смотреть! – она всплеснула руками.

Пашка помотал головой. Похоже, это значило, что он полностью согласен со словами матери.

Единственное развлечение для ведьмы, волей случая и отца оказавшейся в деревне – гонять лесную и болотную нечисть, а я после некоторых событий по нечисти эксперт. И никакая экс-подружка меня не развлечет.

Проблема заключалась в том, что сейчас я и не ведьма вовсе. А обычных девчонок как раз развлекают парни и подружки.

Кажется, черная магия в данный момент пригодилась бы, чтобы кое-кого отвадить.

– Хотела прогуляться с Яной до речки... – Оля вздохнула. – Но она, похоже, не хочет составить мне компанию. До сих пор хранит старые обиды.

– Ошибаешься, – отозвалась я.

– Ты все-таки меня простила? – сверкнули глаза Оли.

– Я на тебя не обижалась. На убогих не обижаются.

Оставалось только с гордостью задрать нос, что я, в общем-то, и сделала.

– Яна! – ахнула тетя.

Оля обиженно поджала губы, но язык показывать я все-таки не стала. Не настолько опустилась, так-то. В отличие от.

Оля провела ладонью по рыжей косичке и горестно-горестно опустила голову. На публику играла, конечно же. И тетя, которая в свое время была экспертом в области человеческих эмоций, в это представление поверила, упрекнула меня:

– Извиняйся, Яна. Ты ведешь себя просто некультурно. Хотя, что таить, в этом твоем поведении я отчетливо вижу своего брата.

Я промолчала. И не потому, что за отца было обидно или слова закончились в голове – слов было множество, и все они представляли собой нечто обидное. Просто, открой я рот, они тут же прозвучат... а с тетей ссориться я не хотела.

Ее доверие к Оле можно оправдать: они с ее мамой при-

ательницы, поэтому тетя видит Олю чаще меня. И легче поверить обольстительной овечке, чем замкнутой в себе злоке.

– Хорошо, – отозвалась тетя. – Значит, сейчас вы идете с Олей к реке, и по дороге ты приносишь извинения, раз уж стесняешься говорить их при нас. Или ты, Оля, больше не хочешь общаться с такой грубиянкой?

Пашка переводил взгляд то на меня, то на Олю, то на собственную маму. Может быть, решал, к кому примкнуть? Но пока сохранял нейтралитет. Умный мальчик: двигаться сейчас было опасно.

– Я могла бы... – протянула Оля.

– Не стесняюсь я... – одновременно с ней заметила я.

Мы встретились глазами, и Оля чуть пожала плечами.

Вот очень интересно, что она задумала на этот раз? Решила что-нибудь выведать, чтобы потом против меня использовать? Так я не настолько наивна теперь, чтобы говорить о себе какие-то факты, которые такой дамочке знать не следует.

– Вот и замечательно. Удачи.

Тетя была строга, как никогда.

Я молча протянула Пашке самолет, и братец, тоже не пронося и слова, взял его из моих рук. Потом, не вытерпев, прошептал:

– А когда будешь делать аренду?

– Вернусь – и сделаю, – пообещала я. – А хотя... Я же ещё прополола картошку не до конца.

Хозяйственный Пашка покачал головой, а тетя заметила,

что я ещё успею это сделать. И действительно: кажется, я здесь надолго.

Мысли привычно потянулись к магии внутри меня, но уперлись в невидимый блок. Вот же отец! Удружил! Ну и как я без магии? Даже на сознание Оли не повлияешь слегка: чтобы использовать ее жизненную энергию, нужно задействовать и свою.

Мы поочередно покинули дом: сначала Оля, потом я, надев сандалии и так и не заменив чистую одежду на грязную. Молча спустились по крылечку, прошли к входным воротам... И Оля остановилась, ожидая меня.

– Что? – я нахмурилась.

– Раньше ты казалась мне дружелюбной, – заметила Оля.

– Старею, – я пожала плечами. – Люди с каждым годом разочаровывают меня все больше и больше.

Оля расхохоталась. Подумала, что я шучу?

Я тоже рассмеялась... потому что не шутила.

Она покинула двор, придержала дверь для меня и уточнила:

– Что, мир?

– Если мир... – протянула я. – Может быть, разойдемся? Я скажу тете, что все хорошо, и продолжу заниматься своими делами.

– Ты невыносима, – Оля покачала головой, направляясь к дороге, усыпанной мелким гравием. Машина, когда едет по такой, шумит жутко. Но я этого не услышала: ехала к тете на

автобусе, ведь машину отец очень жалел.

Меня не жалел, конечно же.

– Какая есть, – отозвалась я, следуя за ней.

По обе стороны от нас располагались аккуратные домики, навевающие тоскливые воспоминания. Деревушка, в которой жила бабушка, была примерно такой же. Те же домики, правда, без водопровода, купающиеся в лужах поросята, неровная дорога. И ветер – слабый ветер перемен.

Когда-нибудь все будет по-другому. Но «когда-нибудь» – понятие довольно растяжимое.

Я не посещала бабушкину деревеньку уже почти шесть лет, с тех самых пор, когда ушла мама. Бабушку я не видела столько же, хотя знала: она до сих пор жива и вспоминает обо мне. Но отец не дает нам видеться.

Хочет, чтобы я окончательно забыла матушку.

Но матушка сама напоминает о себе.

– Знаешь... – Оля огорченно поджала губы. Мы вышли на дорогу, и колючие камешки забили в босоножки и стали колоть ступни. – Тут так скучно. Совершенно нечем заняться. Я ведь уже год тут не живу, ушла после девятого класса учиться. Но на лето пришлось вернуться к мамке. Я и без того устала кататься к ней каждые выходные!

– Ничем не могу помочь, – заметила я.

– Хочется веселиться... Влюбляться, ссориться... А не пропадать в этой деревне! Тебе хорошо, никто не контролирует. Можно делать, что хочешь. А мне даже поговорить не

с кем!

Речка тут близко: пройти ещё пару домов, и можно поворачивать. Но эта пара домов казалось вечностью из-за того, что мне приходилось выслушивать страдания Оли.

– Почему же не с кем? – я оторвала взгляд от ее рыжей косички и огляделась вокруг. – Есть. – И повторила, не веря своим глазам: – Есть...

Есть. Черт, есть!

Оля посмотрела в том же направлении, что и я, и замерла. Глаза ее, кажется, начали расширяться от счастья. Мои расширились от удивления. Дожили.

Там, на том самом месте за двумя домами, которое предназначалось для поворота к речке, стояла компания из трех парней. Примерно одинакового роста – один чуть выше, другой чуть ниже – и одинакового возраста, в похожей одежде... Каждый – со своим цветом волос. Но интересовали они меня так сильно не из-за того, что я до парней дикая, а из-за некоторой особенности одного из них.

Зрение у меня не идеальное, но я отлично его видела.

Довольно высокий, но ниже Влада. С непонятным цветом волос: и не слишком светлые, но и не темные, чуть удлиненные, касающиеся шеи. Челка, откинута набок. Прямой нос. Губы, из которых вылетают слова, направленные на доказательство чего-то собеседнику. Простые джинсовые шорты и белая футболка...

Белая футболка, которая в области груди искрится голу-

бым. Только для меня. И это правильно. Отец закрыл мне доступ к собственной душе, но глаза, подобно Ивану Грозному, к счастью, выкалывать не стал. И мое немного искаженное зрение никуда не ушло.

Наивненький. Думает, что здесь нет никаких зрячих ведьм. А здесь есть я. Надо ставить стену на душу, иначе каждый, кто владеет даром, с легкостью с ней познакомится.

Кто же ты такой? И откуда ты тут взялся?

Маг.

Белый маг. Мой вечный враг, пусть я и встретила тебя впервые, а ты не замечаешь меня вовсе.

Какая же все-таки большая у тебя душа...

– Подойдем? – тихо спросила у меня Оля.

– Познакомиться? – я чуть улыбнулась. – Я же говорила, что тут есть гораздо более достойные кандидаты... на общение.

Он обернулся. Может быть, почувствовал мой взгляд? Какой ты проницательный, маг. Какой ты проницательный.

И, несмотря на то, что белые маги не работали с душами, а потому не могли их видеть, я его тоже заинтересовала. Может, зрение у этого мага получше моего, и он смог прочесть что-то в моих глазах?

Оля взяла меня за запястье и потянула к этой чудесной компании, включающей в себя одно особенное... существо?

Я чуть улыбнулась.

Теперь на нас смотрели все трое парней. Самый высокий,

рыжий, с волосами более светлыми, чем у Оли, одетый в рубашку с закатанными рукавами, и брюнет со смуглой кожей, но светлыми глазами миндалевидного разреза. Посередине их устроился маг с неопределенным цветом волос – и все-таки больше светлые, – но, взамен того, вполне определенным цветом души.

К слову, все, кроме него, выказали желание познакомиться с нами. Ладно, только с Олей. С такой злокой, как я, предпочитают прощаться.

– Привет, – проворковала Оля, приблизившись к парням, но так и не отпустив моей руки. – Я вас раньше здесь не видела.

Несмотря на нежный голосок и милую улыбочку, она походила на хищницу, которая вот-вот вцепится в свою добычу.

– А, – отозвался рыжий. – Мы бы и сами себя тут не увидели. Но вот, приятель пригласил, – и он кивнул на мага.

– Почему-то я тебя не помню, – Оля переключила внимание на него. – А я бы тебя запомнила, я тут всех знаю.

– У меня бабушка с другого конца деревни, – отозвался маг. – Я редко у нее бываю.

Интересный у него голос. Не настолько драматично-надрывный, как у Влада. Более солнечный и светлый...

Светлый.

Вообще «светлый» не значит белое, но в данной ситуации... Сейчас – значит.

Черт, ну и почему отец лишил меня магии в такой ответственный момент?! Впрочем, не придумай он мне такое наказание, я бы вовсе не оказалась здесь и не встретила этого мага. Хотя я пока не знала, хорошо ли, что я встретила его вовсе.

Оля покивала и, назвав свое имя, протянула магу хрупкую ладонь. Тот осторожно ее пожал и представился:

– Ярослав. Яр.

– Прекрасное имя! – воскликнула Оля.

И я была с ней согласна. Как будто в Древнюю Русь попали: Ольги, Ярославы. И Я... на.

Пока Оля стала знакомилась с его приятелями, которые черствую меня оставили равнодушными, Ярослав повернулся ко мне. Захотел узнать мое имя? Мы, ведьмы, свое имя так просто не называем.

К сожалению, в данный момент моя магия была заблокирована. Но со зрением, да, все осталось в порядке. Поэтому я наконец-то смогла разглядеть цвет его глаз. Тем более, не слишком он и выше меня: чтобы смотреть в его глаза прямо, мне не хватает сантиметров десяти.

Серые, как серебро, и голубые, как небо в летний день. Чем-то похожие на мои. Но если у меня болотная тина частично покрывала всю радужку, то голубизна его глаз скопилась около зрачка, откуда расходилась колкими лучами, а после тонула в необъятном светло-сером тумане.

Я самовольно пожала его руку – какая теплая и широкая

рука, не то что у Влада, которому с такими длинными пальцами только и быть пианистом! – и протянула:

– Неприятно познакомиться, – чуть наклонившись к Ярославу, добавила тихо: – Ведьма.

Люблю производить фурор. Мои слова не оставили его равнодушным: брови Ярослава, этого мага с таким сказочным длинным именем, поднялись вверх, а бледные губы уже приоткрылись, чтобы что-то сказать, но в последнее мгновение Яр решил промолчать.

– Яна, – я фыркнула. – Такое у меня имя.

Только после этих слов он вновь взглянул на меня. Пасмурное небо – и ясное. Все это умещалось в его взгляде. Душа, наверное, ещё богаче.

Вблизи искры его души казались почти незаметными.

Поверил? Не поверил? Я не знала.

Оставшиеся парни тоже представились мне – рыжий оказался Михаилом, а брюнет – Николаем. Называть свое имя в ответ не требовалось – Оля уже сделала это за меня. А прямо сейчас она вещала о некоторых нюансах общения со мной... И Ярослава это интересовало почему-то больше всех.

– Это моя подруга, – утверждала она. – У нее тут живет тетя. Знаете, с Яной трудно общаться, на самом деле. Она очень замкнутая в себе и агрессивная, – забыла Оля про то, что я, в отличие от нее, на парней не кидаюсь. – А ещё...

Когда Оля закончила свой воодушевленный рассказ и взглянула на меня, первым заговорил тоже Ярослав.

– Как, говоришь, тебя зовут? – Вопрос был адресован мне. Ярослав нахмурился. Тяжко, наверное, жить, с такими провалами в памяти.

– Яна, – услужливо напомнила я.

– Яна, – подтвердила Оля.

Я наградила ее недовольным взглядом: у кого-то слишком длинный язык, в самом деле, пусть в этом и нет ничего удивительного, и раскрыла свою страшную тайну:

– «Солнце» означает. Знакомая стихия, правда?

Михаил – Миша – фыркнул и взглянул вверх, подтверждая, что действительно знакомая. Ещё бы, последние несколько дней выдались такими жаркими! Николай быстро посмотрел на меня. Пытался соотнести, наверное.

Но, честно говоря, если меня и можно было назвать солнцем, то в момент солнечного затмения. Ярослав, похоже, был полностью со мной согласен. Он неопределенно помотал головой, не поддаваясь на провокацию, и заметил:

– Судя по тому, о чем рассказала твоя подруга, и по твоей манере поведения... Ну и какое ты солнце? Ты, скорее, луна.

Я так и не смогла понять, комплимент это был или издевательство. А в следующий момент Ярослав добавил:

– Или туча. Очень мрачная туча.

Нет, все-таки он издевался.

– Чем это тебя, Ярослав, не устраивает моя манера поведения? – настал мой черед недоумевать.

Его приятели рассмеялись, но после моего недоброго

взгляда решили помолчать.

– Люблю более открытых людей, более вежливых...

– Светлых, – предложила я.

На его лице проявилось смущение: Яр чуть покраснел и отвел взгляд в сторону. Неужели только сейчас стал понимать, что я не шучу? А ведь я с самого начала не шутила. Чувство юмора у меня никакое.

– Да, – заметил Миша. Фигурой он чем-то напоминал худощавого Влада, но глаза, в отличие от черных глаз колдуна, который постоянно приходит мне на ум, были у него насыщенно-зелеными. – Яр предпочитает блондинок.

Яр наградил его недовольным взглядом, зато я рассмеялась, поддерживая высказывание Миши, и произнесла:

– Тогда нам с Олей тут ловить нечего. – На этот раз бывшую подругу за запястье хватала именно я. – Пойдем, Оля, к намеченной нами цели.

– А мы? – напомнил о себе Николай. А вот у того фигура не настолько худосочная, даже немного полная, и отсутствуют острые скулы и высокий лоб Влада. Широкие ассиметричные брови и пухлые губы не позволяли вручить ему гордую табличку со званием «Аристократ». Но внешность этого парня, определенно, была очень интересной.

– Ты тоже заметил это, Колян? – Миша всплеснул руками. – Яр снова перетянул на себя девочек, разочаровал их, а страдать от этого должны мы. Надо с этим бороться! Разрешите составить вам компанию?

Он улыбнулся.

Вот только компании мне не хватало.

– Оля? – намекнула я. И только потом поняла, что смысла в этом нет никакого: проще промолчать. Оля еле сдерживала себя, чтобы не захлопать в ладоши.

– Кажется, твоя подруга не против компании, – произнес Ярослав у меня над ухом.

Я вздрогнула, развернулась и зло сверкнула глазами. Не надо меня пугать! Я сама, кого хочешь, напугаю! Тем более, с магией.

Вот именно, что с магией.

– Значит, дальше я пойду одна, – я развела руки в разные стороны.

– Боишься? – вдруг прошептал он.

Явно намекал на всю компанию в целом, но я к провокациям ещё более привычная, чем помятые маги, взявшиеся неизвестно откуда.

– Ещё бы я боялась всяких... Яриков.

Не хватало только показать язык... поэтому я его показала. Сделав поворот с гордо поднятым носом, я уже приподняла ногу, чтобы уйти, спуститься к речке, вдохнуть ее прохладу... Но Коля коснулся моего предплечья и спросил:

– Ты действительно уходишь?

Светлые глаза смотрели на меня действительно серьезно.

– Не люблю брюнетов. – И добавила, но уже тише: – Хотя сама почему-то постоянно их привлекаю.

– Всегда можно перекраситься.

Я покачала головой и уточнила:

– Перекрасишься?

Он поморщился, и на моем лице само собой появилась улыбка. Мы, может, и продолжили бы этот разговор, но вмешался командир Ярослав:

– Оставь ты ее уже. Пошли.

Я обернулась и вновь встретилась с ним взглядом. На этот раз в моих глазах ни усмешки, ни превосходства не было.

Мне и не хотелось общаться с твоим другом, дорогой маг. Нас, ведьм, больше интересует колдовство...

Как жаль, что я сейчас не ведьма. Как жаль...

– Я скоро к тебе приду! – бросила Оля мне в спину.

Спуск был достаточно крутым, чтобы я смогла неправильно поставить ноги и шлепнуться на землю. Поэтому требовалось сосредоточиться. А мне приходилось отвечать!

– Можешь не приходить, – отозвалась я.

Они тоже сдвинулись с места. Направлялись, к счастью, не за мной, а дальше по дороге.

– Будь осторожна, – вдруг произнес Ярослав.

– Чего?

Каюсь: едва не свалилась. Враги быть осторожной мне ещё не советовали.

Он, скрытый по колени, глядел в сторону реки. Я тоже повернулась и взглянула на белое мерцание вдалеке. Вроде бы, все в порядке, по крайней мере, стада диких быков не видно.

Так чего мне тогда бояться? Купаться я не собиралась, а в остальном...

Яр отвернулся: я стала совершенно ему безразлична. Ну и ладно. Уже продолжив спуск, я услышала:

– Надеюсь, ещё увидимся.

Говорившим оказался тот самый Коля, которого неожиданно заинтересовала моя персона.

– Перекись не забудь, – я махнула рукой и ускорила шаг. Расслышать слова, которые понеслись мне вслед, не удалось. Надеюсь, я потеряла немного. Судя по любви этой компании к разговорам, я только обрела чуть больше времени.

Когда сбежала от шанса пообщаться и обзавестись новыми знакомыми.

Ага, вот только знакомств с белыми магами мне не хватало. Отец очень обрадуется, когда узнает, какие знакомства я завожу. Да и о чем говорить нам с Яриком? Так и представляю себе подобный наиглупейший разговор:

– Ведьма? – серьезно произносит он. Ну а что: никак ведь не может запомнить мое имя, полная форма которого состоит аж из двух слогов.

– Да, маг? – отзываюсь я и хлопаю глазами. Ладно, можно и не хлопать. Но Оля хлопала, когда общалась, а с опытных людей нужно брать пример.

– Я тут подумал... – тянет он. – Я не брюнет, а потому...

– Увы, – прерываю его я. – Мы с тобой дружить не сможем, и не из-за волос, у нас разный цвет души, что гораздо важнее.

А мой отец вас, белых, не одобряет, – и я скромно молчу, что не люблю белых гораздо больше отца.

Понятно, конечно, что ничего подобного Ярослав мне никогда не скажет, но глупости в моей голове всегда были цепкими и едва ли непобедимыми.

Кажется, прохладному ветру, веющему со стороны реки, удалось их выгнать.

К речному берегу вел довольно крутой обрыв. Когда я только ступила на него, он представлял собой пыльную дорогу, сейчас же являлся чем-то вроде холма, поросшего низкими полевыми травами. Все время приходилось сохранять равновесие. Открытые ноги в босоножках запылились, зато трава приятно щекотала ступни. Солнце постепенно снижало свою агрессивность: приближался, хоть и очень лениво, вечер. Кажется, сейчас было около половины пятого.

Добравшись до реки, я наконец-то вдохнула в себя свежий речной воздух и замерла.

Стремительный поток воды шириной не больше пяти метров несся вперед, не жалея ничего на своем пути. Вечный двигатель. Непобедимый.

В нескольких шагах от меня устроилась банда местных ребятишек. Они разложили плед прямо на каменистый берег, на который тут же опустилось несколько пластиковых бутылок и блестящие под солнцем смартфоны – а в моем детстве, захотелось сказать мне, такого не было. Мальчик лет одиннадцати стягивал футболку, готовый вот-вот слиться с жур-

чащей водой. Он же, заметив мой взгляд, вдруг предложил:
– Будешь с нами?

Девочка, которая стояла от него, махнула рукой, предлагая мне присоединиться.

Ой, нет. Только от одной компании избавилась, а мне предлагают вступить в другую. И все же – как добры эти дети. Даже злая я почти растрогалась.

– Спасибо, – я чуть улыбнулась, – но мне пора идти.

Речка стремилась вдаль, и я помнила, что в одном месте она становится совсем мелководной – выступают крупные камни, которые лежат на дне. К нему я и собиралась.

Вода приятно шумела в ушах, выгоняя из головы все мысли. Ветер приносил морозящую прохладу. Не выдержав, я присела и коснулась воды. Достаточно теплая, но это только у берега. Стоит сделать пару шагов к середине, и она станет едва ли не ледяной. Вода в реке никогда не бывает прогретой полностью: река сильно быстрая, чтобы полностью согреться, доверившись солнцу.

Но когда-то она впадает в озеро. И тогда уже наступает смирение.

Очень захотелось скинуть обувь и пройти по речной камке. Как в детстве. И я уже почти позволила себе это, но вдруг передумала, будто чего-то застеснявшись, и пошла по берегу дальше, в ту же сторону, куда спешила река.

Интересно, в какое озеро она так хочет впасть?

Всплывшее в памяти местечко все же нашлось спустя ми-

нут пятнадцать. Шум воды вокруг утих, ее скорость, кажется, тоже снизилась. Воздух вновь показался более жарким, накаленным. Но я не слишком этому огорчилась. Слишком трепетно было наблюдать за той картиной, что открылась перед глазами. Слишком много воспоминаний она навевала.

Голубоватые бабочки, сидящие на камнях. Они заполнили собой все свободное пространство, не беспокоясь об окружающих. Их легкие, воздушные крылышки мерно покачивались и чуть подрагивали длинные светлые усики. Я замерла, чтобы не спугнуть эту картину.

Такие же бабочки обитали на той реке, что бежала в бабушкиной деревне.

Эфемерные. Абсолютно ненастоящие. До невозможности невинные. Светлые.

Негоже черной с таким восхищением взирать на эти воплощения света.

Я резко обернулась, почувствовав на себе чей-то взгляд, и бабочки, заметив мое присутствие, одновременно взлетели с камней нежным фейерверком и отправились искать себе новое пристанище. Пришлось прищуриваться, вглядываясь вдаль. Сердце забилося чуть быстрее, чем ему требовалось.

Неужели это Ярослав – с этими своими странными волосами, в футболке чуть более белой, чем крылья бабочек, которых я спугнула?

Но белое пятно исчезло, оставшись в моей памяти солнечным бликом, каких достаточно на поверхности реки, а не

магом.

Пришлось возвращаться. Тем более что хозяйственный Пашка обладает хорошей памятью и не даст мне отлынивать от работы. А с Пашкой спорить гораздо опаснее, чем со всеми белыми магами.

К тому же, я действительно обидела его своим бездействием.

А бездействие наказуемо.

Глава 3. Контрасты

Оставшаяся часть вечера прошла спокойно. Я вернулась к тете, не встретившись ни с Олей, ни с Мишей, ни с Колей, ни с Яром. И хорошо. Ни с кем из них я встречаться и не хотела. Маг, конечно, вызывал небольшую заинтересованность, но...

Ладно, от самой себя бегать глупо: мне хотелось бы увидеть его ещё раз, хотя бы для того чтобы просто понаблюдать за ним издалека. С магами я встречаюсь редко, тем более, с теми, которые не ставят стены на свои души, и мало что о них знаю. А светлые маги сейчас, может, даже важнее нечисти. Ведь если нечисть ведет себя зажато и постепенно исчезает, то маги спокойненько гуляют.

Впрочем, сейчас для меня на первый план вышла именно нечисть. Не факт, что мы вновь встретимся с Ярославом – жили, хотя и временно, в одной и той же деревеньке несколько лет и не пересекались. Может быть, он скоро вернется на постоянное время жительства. За себя говорить не могу. А вот нечисть напомнила о себе эпизодом, который предшествовал моему спокойному вечеру.

Испытывая смешанные чувства после блика, который вызвал во мне странные ассоциации, я сделала несколько шагов в сторону, чтобы покинуть это место. Но обо что-то зацепилась нога, и пришлось опустить голову. Здесь, на бере-

ге, камней было чуть меньше, и они мешались с мокрым песком. Этот песок меня и смутил: создавалось ощущение, что он исчерчен чем-то острым... коготками? Ножичком?

Я присела и наклонилась, чтобы получше разглядеть его.

На следы птиц это не походило, как и на следы животных. Эти пометки представляли собой нечто хаотичное. Минус, дробь, дробь в обратную сторону, скобочка... И все разной длины, накладываются друг на друга. Как будто кто-то оттачивал мастерство вырезания по деревьям, но получалось у него не слишком. В некоторых местах эти следы особенно сосредотачивались.

Можно было свалить все на бабочек, но те слишком неведомые, чтобы оставить подобные отметины.

Я ушла с реки, так и не найдя ответ на эту загадку, и сейчас она очень меня мучила.

Это могли быть дети. Но какой резон детям оставлять подобные отметины? Тем более что следов от обуви рядом не обнаружилось – за последнюю пару суток это место посетила только я. Но у кого могут быть такие тонкие лапки, достаточно мощные, чтобы оставить подобные углубления? Кто ходит настолько хаотично?

Я лежала на кровати, разглядывая потолок в белую плитку, которая казалась мне мокрым песком, и размышляла об этих следах. Уснуть все равно не получалось: ведьмы со сбившимся жизненным ритмом в десять часов вечера только просыпаются. Даже несмотря на короткую ночь, которая

предшествовала этой.

Диван удобный тут, конечно, но не мой.

Я перевернулась на другой бок. Вспомнился и ритуал, и звонок Влада... Я снова подумала о несчастных цветах. Не забыла и про хомяка: как он там, бедняга? Отец его хотя бы кормит? Хомячидзе – не домовой, ему жизненной энергии не хватит.

За хомяка стало совсем тревожно. Я поднялась с дивана, сделала пару тихих шагов и склонилась над телефоном, который соединялся с розеткой черным шнуром. В темноте, создаваемой завешенными шторами, этот шнур напоминал худенькую змею. Или, что реальнее, очень длинного червячка.

Я оторвала от него взгляд и качнула головой. Нет. Те следы не могли оставить никакие черви: ни круглые, ни кольчатые, ни телефонные. Ведь им надо было потом куда-то деться, а норку я не заметила, как ни разглядывала песок.

Только если налетели дикие птицы и решили ими полакомиться.

Но это уже фантастика.

Экран осветил пальцы голубоватым сиянием. Я зашла в «сообщения», и, тыкнув на ярлычок с фотографией отца, напечатала: «Покорми хомяка».

В коридоре раздался скрип. Вдруг тетя зайдет! А я тут с телефоном. Нажалется отцу...

В принципе, я всегда смогу доказать свою невиновность

этим коротким, но ужасно необходимым сообщением.

Надо было дожидаться какой-то реакции.

Я терпеливо держала телефон в пальцах, и через три минуты отец ответил: «Уже».

Ну и нельзя было, что ли, побыстрее? Или он по минуте каждую букву выискивал? Вот уж не верю. Отец не нечисть, чтобы современных приспособлений бояться. У него телефон в два с половиной раза дороже моего. А магпочта покрылась бы пылью, если б не письма по работе.

Опять, наверное, чем-то занят, промелькнула в голове недовольная мысль.

«Хорошо», – ответила я. А вдруг тоже ждет?

«Уже привыкла к жизни без магии, Яна?» – вдруг полюбопытствовал отец. Издевался? Издевался. Разговаривали ведь об этом, и совсем недавно.

«Несомненно», – отозвалась я. И погасила экран. Что-нибудь ещё спросит подобное, и я действительно разозлюсь. Сначала магию отобрал, а теперь миролюбиво интересуется: «Как тебе, дескать, без магии, дорогая дочушка? Достаточно настрадалась?».

Да никак, блин. Мимо моего носа ходят туда-сюда белые маги, под моими ногами красуются непонятные отметины, а я даже огонек себе сотворить не могу, чтобы не споткнуться.

Раздраженная, я вернулась в диван с громкостью слона и с головой накрылась одеялом. Меня нет. Я в своем темном-темном домике.

В коридоре вновь закрипело, и я к тому же плотнее накрыла уши. Окна на ночь мы оставляем открытыми, и из-за сквозняка скрепят двери, пошатываясь. А все почему? Потому что жарко. Не люблю солнце, не люблю лето! Не люблю! Люблю темноту и магию.

Но скоро настанет утро, а магия так и не вернется.

Похоже, когда тетя все же заглянула, чтобы проверить, сплю я или нет, я уже спала.

– Яна! – звучало над ухом. – Вставай!

Я плотнее закуталась в одеяло, хотя, честно признаться, Пашка был настойчивым. У меня, бывает, тоже как перемкнет... Сразу видно, родственники.

Вспомнилось, как я топала подобно слону, злясь на отца. Как построила себе домик, заткнула уши, чтобы злости никто не мешал... но совершенно забыла, как я уснула. А сейчас, видимо, утро.

Ночь выдалась у меня донельзя странной. Про жениха сказать я перед сном забыла – я перед сном о хомяке думала – поэтому никакой жених мне не приснился. Приснились мне приключения. И этими приключениями оказался Ярослав. Он разглядывал следы на песке, сосредоточенно водя по ним указательным пальцем, и утверждал: «Что-то тут нечисто».

«Да для вас, белых, все всегда нечисто, – замечала я. – Вы же всегда и везде стремитесь к абсолютной чистоте...»

Похоже, во сне я начала сходить с ума. А это процесс необратимый, и у меня есть достаточно времени, чтобы благополучно его завершить.

– Яна! – нервничал Пашка.

– Что такое? – пробормотала я тихо.

– Завтракать пора давно.

– Уже? – я приоткрыла глаза, но смогла выцепить только нечеткие силуэты. – Сколько времени? Шесть?

– Почти двенадцать, – с важным видом заметил Пашка.

Спать резко перехотелось. Я подскочила и воскликнула: «Что?!».

У противоположной от дивана стенке, над тумбой с телевизором, висели большие круглые часы. Я прищурилась. Одиннадцать сорок... Реально что ли? Я, конечно, по ночам сова, но по утрам предпочитаю зваться жаворонком – всегда встаю рано, и шести часов для сна мне предостаточно.

Шести, ага.

Спала я в два раза больше. Или нет, даже больше, чем в два раза.

– И давно ты не спишь?

Пашка, одетый сегодня в прекрасную клетчатую рубашку, задумался:

– Пару часов назад где-то... Как твой друг приехал.

– Какой такой друг?

То ли я окончательно сошла с ума, то ли ещё совсем не проснулась, но понятного было мало. Первым при слове

«друг» вспомнился, как ни удивительно, Ярослав. Но он не мог приехать – в одной деревне живем, вроде как. Только если белый маг совсем пижон и даже до соседней улицы гоняет на какой-нибудь крутой тачке.

Или байке.

Мне резко захотелось покататься на байке, но я напонила себе, что мы с Ярославом никакие не друзья. И даже если бы он вдруг решил посетить меня, выведав у Оли, где живет тетя, то точно не стал бы ждать меня два часа. А ещё, скорее всего, у него нет никакого байка.

– Его зовут Владислав, – произнес Пашка серьезно.

Ругаться при детях нехорошо, поэтому я сдержала своих чертей при себе.

– А почему меня сразу не разбудили?

Я наклонилась к сумке с вещами, выискивая что-нибудь более-менее приличное. Не щеголять же перед ним в шортах, которые заляпаны в грязь. Платье тоже не надено... Одежды целая сумка, а нарядиться совершенно не во что!

– Мама не хотела тебя будить.

– А Влад там что?

Я взглянула на Пашку, и, так и не найдя лучшего варианта, вытащила голубую джинсовую юбку и белую футболку с открытыми плечами. Не нарядец черной ведьмы, конечно, но я сейчас вообще нейтральная.

– Мама его кормит. Он хороший, – глаза Пашки блеснули. – И он знает, как построить самолет.

– Это да, – согласилась я. – На инженера учиться. Ждите меня там же, где расправляется с запасами еды Влад. Скоро приду.

Пашка, выполнивший такую ответственную миссию, как пробуждение одной очень уставшей ведьмы, закивал и вышел из зала, захлопнув дверь со стеклянной вставкой, и я стала переодеваться.

Сейчас переоденусь, приду, и наступит уже третий час завтрака Влада. В этом отношении Влад вообще парадокс: хоть и высокий, но худой, и при этом ест немерено. Я уже советовала ему провериться на паразитов, и Влад, такой покорный, даже проверился. Здоров, абсолютно здоров! И очень опасен. Если у нас в квартире вдруг одновременно оказывается и еда, и Влад, то через некоторое время первой не остается. Зато от Влада так просто не избавишься.

Я вспомнила про магпочту, вновь ужаснулась, но решила идти до последнего. Тем более что бедняжке Владу ради меня пришлось отвечать на вопросы Пашки. А Пашка до безумия любит вопросы.

Расчесав волосы, которые после сна чуть завились, я вышла в коридор, прошла до поворота и заглянула в кухню. Влад что-то рассказывал Пашке про самолет своим тихим, размеренным голосом, и Пашка с важным видом кивал. Тетя попивала кофе – я почувствовала, что это именно он, даже здесь – и тоже кивала, погруженная в свои мысли.

Интересно, насколько сильно тетя бы обрадовалась, если

бы вместо непутевой племянницы у нее был племянник? Вот такой вот, со стороны даже путевый более-менее. Хотя и черный колдун. Ой, как же я не люблю черных колдунов... И вообще никаких не люблю.

Идиллия нарушилась спустя секунд сорок, когда Влад почувствовал мой взгляд, повернул голову в сторону, и брови над темно-серыми глазами, которые пару лет подряд я считала карими, взметнулись вверх. Ну да, удивился. Надеялся увидеть красотку, а тут я. В белой кофточке. Влад традициям не изменял: на нем была черная футболка и темно-синие джинсы. Вот и продолжай потеть, балбес.

Скрываться дальше было бесполезно, и я направилась на кухню.

– Всем доброе утро! – взмахнула рукой, стараясь не обращать на Влада внимания. Он сам его на себя обратил, заметил:

– Уже полдень, Яна. Не знал, что ты так долго спишь.

– Я сама не знала, – я пожала плечами. Тетя смотрела на меня с намеком, не отрываясь, и я предпочла поскорее покинуть это общество. – Отметилась, теперь можно и уйти. Я в ванную.

– Будем очень ждать, – произнес Влад.

Наши глаза встретились. И вот чего ко мне пристает? Ну, поспала в два раза больше, чем обычно, с кем не бывает. Переутомила, может, очень.

– Нужных всегда ждут долго, – отозвалась я.

– Дождусь, – пообещал он.

Так и захотелось настучать по голове, на которой красовалась модная стрижка. Красавчик, ну. Едва не черноволо-
сый сокол. Но волосы у него были русыми, хоть и темными, а
глаза не карими, а серыми, цвета грозового неба. Не такой уж
он и очень черный маг. Не слишком соответствует канонам.

Стучать не стала – тетя потом по мне настучит, сотвори
я с таким милейшим парнем нечто подобное. Скрылась за
дверью в ванной, громко ей хлопнув. Вернее, нет: она сама!
Сквозняк какой-то, видимо. Я же не настолько нервная.

Я почистила зубы, умылась и расчесалась, а потому вер-
нулась на кухню уже не настолько страшненькой, какой меня
там запомнили.

– Присаживайся, – тетя дружелюбно мотнула рукой. – У
нас тут блины... Были два часа назад, – добавила она, глядя
на пустую тарелку, поблескивающую предательской сереб-
ряной каемкой. Эх ты, тарелка! Не сохранила мне блинов...

– А что есть ещё? – поинтересовалась я.

Тетя посмотрела на Влада, и я страдальчески вздохнула.
Причину наш умненький черный маг понял и решил произ-
деваться:

– А я действительно рад тебя видеть.

– С тобой мы потом отдельно поговорим.

Я включила подогреваться чайник и замерла... Посмот-
рела на окружающих: задумчивую тетю, Пашку и нахального
Влада, а после взгляда... да и выскользнула из кухни. Не то

чтобы почувствовала себя неудобно... но поняла: надо быстренько куда-нибудь уйти. Они неплохо и без меня тут сидели, а нарушителей покоя по головке не гладят.

– Яна? – удивилась тетя.

– Сейчас вернусь!

Я вдруг поняла, что мне срочно нужен глоток свежего воздуха.

А вот и они: мои родные босоножки, которые задвинуты в угол мощными кедами Влада. Скромность – не порок! Неадекватность, в принципе, тоже. Это я на себе подтверждаю.

Когда я натягивала уже вторую босоножку, в проходе появился Влад.

– Ты куда? – он нахмурился. – Настолько не рада меня видеть?

«В туалет, блин, приспичило», – отозвалась я мысленно. Но так как Влад навряд ли бы поверил в правдоподобность сего бытового события – ну как же, от единорогов ведь только бабочки остаются, то ответила:

– Пойду за едой.

– В магазин?

– В лес. Словлю белку и сверну ей голову. С тобой не поделюсь. Взаимно.

Обувшись, я выпрямилась, приподняла брови и наградила его высокомерным взглядом.

– Ты шутишь? – уточнил он.

– Сама серьезность. Как там твои цветочки? Засохли, наверное.

– Ты оставила их в мапочте?

– Да как-то не до них стало! Разве твой любимый учитель тебе об этом не рассказывал? Не приводил меня в пример, как полную неудачницу? Так вот, смеяться надо мной не надо. Смейтесь с отцом сами над собой. Понятно?

Все то, что я не смогла сказать отцу, я смогла сказать Владу. Накипело, что ли. С Олей путем поссориться так и не вышло, от белого мага я сбежала сама, а тетя и братец не достойны того, чтобы я на них ругалась. Поэтому получил Влад.

Ну ничего, мы уже привыкли порой высказывать взаимную неприязнь.

– Не собирался я над тобой смеяться, – он несколько опешил. – Отец рассказывал мне о том, что произошло. Но...

И он замолчал.

Я открыла дверь и выскользнула на веранду. Наговорила опять всякой чепухи. Дружелюбие – мой конек, ага.

Сбежав по крылечку, я повернула в огород, куда вчера отправила меня на прогулку тетя. Вместе с тяпкой... И где я вчера заляпала шорты, которые теперь необходимо стирать. И где вчера вспоминала курс по биологии... Мне ее, эту биологию, между прочим, сдавать через год, так что как раз было бы неправильно ее не повторять.

Влад вышел минуты через полторы. И то верно: с такими

шикарными кедами на не менее восхитительной шнуровке за десять секунд не справишься. Хлопнула дверь, прозвучало несколько шагов... Он остановился, а я, напротив, пришла в движение: спряталась за угол дома и замерла.

Ну ничего. На случай, если спросят: удостоверение о выпуске из детского сада я не получила, мне его неожиданно не хватило, что десять лет назад казалось мне до ужаса несправедливым и очень обидным. Но сейчас порадовало: никто не докажет, что я окончила детский сад.

Шух-шурух... Совсем не пушинка. Пусть учится ходить у меня, вот! Я ночью гуляла по залу и сидела в телефоне, а это даже никто не заметил.

Я подняла взгляд, и как раз вовремя: прямо передо мной возник Влад.

Сдаваться я не собиралась и поэтому глаза не опускала.

– Почему убегаешь? – спросил он. И добавил зачем-то: – От судьбы не убежишь.

– Покажи мне мою судьбу, и мы сыграем в догонялки, – предложила я.

– У нее длинные ноги.

– У меня тоже длинные, ничего так, – заметила я.

– Ничего так.

И не нужно надо мной нависать! Вот же гора! Ещё и голову наклоняет, дышит... Было бы странно, если бы Влад не дышал. Но, пожалуй, лучше, чем сейчас.

– Я не понимаю намеков, – заметила я.

– Научу.

– Научи себя экономнее есть, – справедливо заметила я.

– Ты так расстроилась из-за еды, Яна? – он все больше склонялся надо мной. – Я сам испеку тебе эти блины, если они настолько тебе нужны. Договорились?

Я фыркнула и предложила:

– Может, сделаешь шаг назад?

Влад послушно отступил, а я только того и ждала. Чуть наклонившись, юркнула вбок и понеслась, куда глаза глядят. На самом деле, спешила я в дом. У меня там как раз чайник закипел. Мысли проветрились, и можно возвращаться. Пока я больше ничего не выкинула.

Далеко не убежала: едва я ступила на освещенную солнцем веранду, Влад догнал меня, как и обещал. Если я, конечно, правильно поняла его намеки. Ну а кто ещё, кроме многоуважаемого Влада, мог одновременно и указать на мои недостатки, и похвалить свои достоинства? Я давно заметила за ним такую особенность.

Мы познакомились, когда мне было двенадцать. Спустя пару месяцев после произошедшей в моей жизни трагедии. И, так как после этой трагедии я стала злой и замкнутой, Влад такой меня и узнал. Такой я осталась и сейчас. Так что, по крайней мере, на это хотелось надеяться, большим открытием моя капризность для колдуна не стала.

Мелкая инфантильная девчонка. Действительно, куда уж мне. По возрасту Влад превосходит меня на один целый и

две трети года. По интеллекту между нами расстилается пропасть. Понятно, конечно, на каком я конце.

Он коснулся плеча, и я обернулась.

Влад молчал. Не зря: злопамятный как сам черт. Ждет, пока я прокомментирую его пламенную речь касательно блинчиков, которые он приготовит специально для меня.

Этим он тоже меня нервирует.

Зануда.

– Обойдусь, – отозвалась я. – Руку убрать можно.

– Опять убежишь.

Не убирал.

– Ноги у тебя тоже ничего, так что догонишь, – предложила я.

– Эти игры не могут длиться вечно.

– Конечно! – воскликнула я. Вот же занудный! Ещё лекцию мне прочитай, я как раз посплю ещё пару часиков к тем тринадцати, которые я проспала. – Они будут длиться ещё дольше.

– Яна, – он качнул головой.

– Вла-а-ад, – протянула я заунывным голосом. – Может, действительно уже отпустишь? Я чай очень попить захотела с воздухом.

– Когда ты повзрослеешь? – уточнил он безнадежно. Руку все же убрал, чему я была безумно рада. Смущает меня как-то его ладонь с длинными цепкими пальцами на моем плече. – Похоже, я не дожусь этого события.

– И снова в яблочко. Оно наступит никогда, – я вздохнула. – После детства ко мне сразу придет старость. Годам так к семидесяти. Если доживу, да.

Я развернулась и направилась к двери.

Влад последовал за мной. Шух-шурух. Очень толстая и неуклюжая мышка. Не то что мой Хомячидзе. Не забыть бы и этим вечером отправить сообщение отцу, чтобы моего несчастного крошку покормил. У нас с отцом память странная: мы всегда забываем все самое важное, но глупые и абсолютно неважные мелочи сидят в голове, как прибитые, и напоминают о себе в самый ненужный момент.

Биологичка говорит, что это рассеянный склероз, но я ей не слишком-то и верю.

Я остановилась около самой двери и, развернувшись к Владу, вдруг спросила:

– Почему тетя тебя впустила? Да ещё и приняла так радушно.

– Я сказал, что твой друг, – не растерялся он.

– Друг? – уточнила я.

– Лучший друг.

– Но ведь у меня нет друзей, – заметила я. – Тем более, лучших.

«А ты, к тому же, ужасно меня нервируешь», – добавила я мысленно.

Влад махнул рукой: мол, что с меня взять, такой дурочки деревенской? Я не стала больше задавать никаких вопросов

и, открыв дверь, вернулась домой. Скинула босоножки и уже голыми ступнями проследовала на кухню, где сидела явно обескураженная моим поведением тетя.

Она молчала, и пришлось признаваться:

– Поговорили. Решила пока оставить Влада в живых, – наткнувшись взглядом на Пашку, добавила: – Чтобы Паша побольше узнал про самолеты.

Пашка довольно закивал, и я улыбнулась. Практичный мальчик. Хороший.

– Яна! – тетя нахмурилась. – Честно признаться, не думала, что скажу подобное при других людях, – она взглянула на мою спину: Влад, видимо, вернулся, – но ты, Яна, с каждым днем все больше сторонись людей.

Вспомнилась цитата из интернета: «Нормально я к людям отношусь...». Правда, друзей-людей у меня не было. Я только что доказывала это Владу.

– У нас с Яной давно натянутые отношения, – прозвучало за моей спиной.

Между прочим, у нас вообще никаких отношений нет.

Я мысленно махнула рукой и на автомате принялась заваривать себе кофе... Ну, я так думала. Чистая кружка нашлась на гарнитуре, кофе не нашелся, поэтому я кинула пакетик малинового чая. После растерялась, не обнаружив под рукой чайник, но спустя пару секунд обнаружила его в противоположной стороне.

Заварив себе, наконец, ко... то есть, напиток, в данном

случае, чай, я опустилась на стул рядом с Пашкой и подмигнула братцу. Влад тоже сел на свое прежнее место.

Шел третий час его завтрака и первый час моей диеты.

Я достала из вазочки подозрительное печенье, с отломанным углом, но тут уже выбирать не приходится. С отсутствующим видом прожевала его и запила чаем.

Как же не люблю черный чай! Особенно в качестве завтрака. Зеленый люблю, а с черным у нас как-то не сложилось.

– Сыр будешь? – тетя взглянула на меня.

– А можно.

Она встала, чтобы подать страдающей мне сыр. Я взглянула на Пашку, который все это время с нетерпением разглядывал Влада. Все никак не давала покоя моя фраза про самолеты?

Пашка коснулся моего предплечья, пока его мама стояла спиной, и кивнул на Влада:

– Можно?

– Зачем спрашиваешь? Конечно. Иди поиграй с Владом.

И я метнула быстрый взгляд в сторону колдуна.

Он противиться не стал: поднялся из-за стола и даже подал руку Пашке, мол, пойдем, неокрепший ум, я научу тебя разуму. Главное, чтобы не начал всякие неприятности рассказывать про меня. Как это делала Оля. Надеюсь, ей вчера хорошо погулялось, в такой наиприятнейшей компании белого мага.

Пусть гуляет и обо мне забывает.

Мысленно я повторила это несколько раз, как заклинание.

Тетя протянула мне сыр – круглую коробку с золотыми брикетами, – Пашка протянул руку Владу. И я даже почти взяла один из брикетов, а Влад почти сжал Пашкину руку, но тут кухню сотрясли звуки электрогитар и барабанов.

Кажется, это был «Linkin Park». Влад, а именно звонок на его мобильный нарушил ту прекрасную картину, давно воспылав к этой группе сумасшедшей любовью. Хотя первой скинула одну из композиций именно я! Но дальше той и ещё парочки песен наши отношения с этой группой не сложились, тогда как Влад мог по праву считаться фанатом. Истинным.

Он дернулся к карману и, пробормотав, что сейчас вернется, быстрым шагом направился в коридор. Пашка вздохнул, подперев щеку ладонью, зато я сорвалась с места.

Просто стало любопытно. Очень-очень. Влад с такой то-ропливостью отвечает только на звонки моего отца. Ну или девушки, если она у него есть. Что-то тут не чисто...

Я одернула себя. С белым магом пересеклась, и уже все, того. Хорошо хоть, что крыша не едет: уже съехала...

– Яна! – шикнула тетя.

– Общаюсь с людьми, – я пожала плечами.

Теперь главное: соблюдать осторожность. Не нужно, чтобы меня слышали. Я прошмыгнула к арке, взглянула в коридор, на прихожую: Влад заходил в зал, дверь в который осталась приоткрытой.

Черт! У меня же там диван незаправленный, и пижама ночная лежит, будто ее только что вытащили из места, которое называть вслух не привыкли. Нижнего белья, вроде бы, нет: то, что я достала из сумки, на мне. А то, которое не доставала, лежит в ней.

Сумку я не закрыла.

Надо искать во всем плюсы. Владу будет, чем себя развлечь: пусть разглядывает кружавчики во время разговора...

Стало до ужаса неловко. Из-за белья, а не потому, что я что я вплотную приблизилась к дверному косяку и затаила дыхание.

Разговор уже шел.

– Прибыл. Два с половиной часа назад, – пауза в пару секунд, и Влад продолжил: – Яна... Она расстроена, – недолгое молчание, – я постараюсь, учитель.

Пора записываться на шоу «Интуиция». Яна угадала, Яна была права! Вот только это почему-то это не слишком радовало. Отец у меня как-то не спрашивал, добралась ли я до тети и успешно ли я это сделала. А тут, надо же, какая забота.

Но долго огорчаться мне не дали. Предложили кусок более лакомый: подкинули интригу, которая ведет к приключениям.

А я такое люблю. Тем более что это явление, которое надо было расследовать, мучило меня ещё до этого.

– Нечисть? – уточнил Влад. Может быть, он даже нахмурился. Любит гнуть брови безумно. – Разве... Я вспомнил, –

спохватился он, — когда ехал сюда, почувствовал нечто подобное. Черная магия. Надо будет проверить. Обязательно.

Похоже, отец говорил про нечисть, которая внезапно обнаружилась в деревне. Нечисть... Воспоминания метнулись ко вчерашнему дню, и я вспомнила их. Отметки. Предостережения Ярослава.

Мне сейчас плохо: магию чую в три раза слабее, чем обычно, поэтому ничего и не просекла. А тут, оказывается, сюрприз.

Удивление Влада обосновать удалось: в деревнях нечисть давно перевелась. Кикимору или лешего встретить ещё можно, но они не воспринимаются как создания черной магии: сливаются с природой, поэтому, скорее, являются белыми. Черная нечисть — опасная нечисть. Тем более если Влад почувал ее фон, находясь от пакостной вдалеке.

— А Яна? — вдруг вспомнил обо мне Влад. Я даже вздрогнула. Действительно, неужели я существую? — Ей не стоит вмешиваться в это?

Отец что-то проговорил в трубку, и Влад отозвался флегматично:

— Хорошо. Вы именно поэтому отправили меня сюда... учитель?

Он намекал на дело о нечисти.

Я знала, что сейчас отец произносит согласие, которое не подвергаются сомнению. Конечно, он отправил Влада не для того, чтобы тот меня веселил. А я, такая наивная, сначала

и вообще подумала, что Влад приехал по собственному желанию. Ну или за цветы меня побить.

— Ещё я хотел уточнить по занятиям...

Ловить было больше нечего, и я заскользила на кухню. Тетя, настолько недовольная моим поведением, уже успела сделать мне бутерброд. Я покорно взяла его в руки и поднесла ко рту.

— И что там? — тетя взглянула на меня.

— А! — я махнула рукой. — С какой-то девушкой разговаривает. Здравствуй, любимая... Противно даже.

— Правда? — кажется, тетя удивилась. — Я думала, что вы с ним...

Договорить она не успела: явился объект разговора. Вспомни колдуна, он и придет... Я как раз успела откусить от бутерброда, да так, что от его изначального размера осталась лишь половина.

Плавленный сыр прилип к верхнему небу, и я в срочном порядке сделала несколько глотков чая, чтобы не закашлять.

— И что там? — на этот раз вопрос задавала я.

Влад отозвался:

— Ничего интересного.

Пашка коснулся моего запястья, и я спохватилась:

— Что же, пообщаешься с Пашей? Пока я чай пью.

— Конечно. С радостью. Какие планы на оставшийся день? — вдруг поинтересовался он.

Планы, на самом деле, имелись. Не то чтобы в большом

количестве, но важные. Хотелось сходить на речку и вновь посмотреть на те отметки – тем более что знания у меня теперь стали обновленными. Ещё я мечтала встретиться с Яриком. Не зря же он давал мне то предостережение: что-то почувал. Надо узнать, что.

Представила: иду я навстречу белому магу, а тут Влад. Как прыгнет, как заорет: «Караул! Чернокнижница свои дела обсуждает с беленьким!». Я, конечно, на такое не отреагирую. Но кто знает, как к этому отнесется Яр? Как вообще ведут себя белые маги в чрезвычайных ситуациях?

Вот черные ведьмы, отвечаю, перед ними любят представить несбываемое. И переживать из-за того, что ещё не случилось.

– Пока я об этом не думала, – все же ответила я.

И ничего личного: Влад играет в тайны, и я тоже. Сотрудничество не про нас. И Влад выбрал это первым. Ладно, предположим, что он не знал, будто отец посылает его ради этой чудесной нечисти. Но так ведь Влад вовсе не сказал, что оказался здесь благодаря моему отцу!

Что ж, раз наша игра началась с недомолвок... Так тому и быть, дорогой.

– Предлагаю...

Я остановила его, выставив вперед ладонь.

– Пока что поиграй с Пашей, ок?

Он мотнул головой, и довольный Пашка выскользнул из-за стола и в нетерпении повел Влада в свою комнату. При-

дется потом колдуна из-под игрушек выгребать... Или нет: лучше будет оставить его в таком своеобразном домике, а самой сбежать куда-нибудь подальше. По делам.

Он меня потом действительно прибьет. Но пока я переживать об этом не стану. Надо же сдержаться хотя бы раз?

Я доела бутерброд, съела ещё один и допила чай, со вкусом которого к концу завтрака уже смирилась, и вышла из-за стола. Немного подумав, вернулась, сгребла со стола всю посуду и начала ее намывть. К счастью, пену для ванны вместо средства для мытья посуды не использовала: у тети оно стояло на том же месте, что и у нас. А у нас посуду мыла одна я.

Тетя еле остановила меня: ну очень хотелось, помыв посуду, к тому же не только протереть стол, но и подмести полы. Ковры пропылесосить. Зеркала очистить. И, конечно, полить цветы...

Но она жестом указала мне на Пашкину комнату, в которой сейчас находился кое-кто кроме Паши.

Я покорно прошла к открытым дверям, заглянула внутрь и произнесла таким тоном, будто у меня второй раз за день пытаются отобрать еду:

– Чё? – спохватившись, добавила уже спокойнее: – Ещё играете?

Влад сидел на ковре, изображающем асфальтовые дороги, светофоры, деревья и дома с красными крышами, и наблюдал, как по одной из дорог Пашка ведет зеленую машину. В руках колдуна тоже была похожая, только желтая и чуть

крупнее.

Какая милая картина! Я едва сдержала себя, чтобы не сложить руки на груди, выражая умиление.

– У нас сейчас го-о-онка, – протянул Пашка. – Можешь играть с нами.

– Правда? – я взглянула на Влада и чуть улыбнулась. Колдун-гонщик – это что-то интересное.

Ведьма-автомобилистка тоже звучит не очень, конечно.

Я вошла внутрь комнаты, заставленной игрушками, и опустилась на ковер рядом с Пашкой.

– Давайте. Куда гнать?

– Вперед. По правилам.

– Но прежде, чем ехать, мне надо арендовать машину. Где у вас тут гараж?

Какое выражение появилось на лице Влада – не описать! Это видеть надо было! И с каждой секундой, когда я на это смотрела, моя улыбка становилась шире.

А вы, уважаемый колдун, думали, что я только бегать умею и орать? Ну, и ритуалы пустые проводить? А я, вон, и в машинки играю.

Вспомнилось несчастное удостоверение. То, из детского сада, которое мне не выдали.

Пашка протянул мне коробку, полную автомобилей и провозгласил:

– Выбирай.

– А какая из машин лучше всего себя зарекомендовала? –

с умным видом поинтересовалась я.

– Ламборджини, – не задумываясь, выдал Пашка. – Но я отдал ее Владу...

– Владу всегда достается все самое лучшее, – заметила я, ничуть не лукавя. – Кроме дочери его учителя, – добавила уже тише, да так, что Пашка это не услышал, зато услышал Влад.

Машина мне досталась голубая, как небо в глазах одного противного белого мага, и тоже вполне «ничего так». И в гонки мы поиграли – даже с Владом, мистером Невозмутимостью – на этот раз шокировал меня он. А минут через тридцать в комнату заглянула тетя и напомнила, что сейчас они с Пашкой едут за новой одеждой, через двадцать минут придет автобус. Собирались недолго, в ускоренном темпе, и, когда тетя замыкала дверь, я, а следом за мной и Влад, тоже вышли на улицу.

Я оставалась все в той же юбке и футболке, крепко сжимала в руках смартфон, который не решалась убрать в карман, зато Влад зачем-то нацепил на себя рюкзак. Бедняга! Сначала на солнце сгорит, потом рюкзаком расплющится – на вид тот довольно тяжелый.

Конечно, я не могла оставить это без внимания и поинтересовалась:

– Уезжаешь уже?

– Почему? – он повернулся ко мне.

В руках тети блеснул ключ.

Полпервого, даже больше – самое жаркое время! Сейчас бы в речку нырнуть и освежиться. А потом чудовище, черная нечисть, то есть, нырнет следом, тут и начнется веселье.

– Рюкзак такой внушительный несешь с собой... Со всеми своими вещами наверняка... Или ты уедешь вечером?

– Наталья Андреевна разрешила мне переночевать сегодня здесь.

Я опешила.

Зато тетя покивала, подтверждая эти слова!

– Надеюсь, не на моем диване?

– Все диваны тут мои, – как бы между прочим заметила тетя.

– Пусть спит на ковре!

– Яна! Что за негостеприимность? Тем более что Владислав – твой друг. Может быть, ты и мне предложишь поспать на ковре? Вся в отца.

– Я могу на ковре поспать, – отозвался Пашка, – вместе с Владом... и с машинками.

– Не переживай, – произнесла я, – Влад не обидится, если ему придется спать в одиночестве. Хороших покупок, тетя, Паша, скоро увидимся. А я пошла...

– Я с тобой, – не постеснялся заметить Влад.

– Несомненно, блин, – пробурчала я. И добавила тише: – Идиот.

Тетя с Пашей пошли налево, к автобусной остановке, которая должна была довезти их до ближайшего мелкого го-

родка – не того, в котором я жила, он являлся к моему городу чем-то вроде города-спутника. И ехать до него было в два с половиной раза быстрее.

Мы же с Владом, как акула с рыбой-прилипалой, существует такой тип взаимодействия между живыми организмами, квартиранство называется, пошли направо, по тому же пути, который вчера проделали с Олей. Я с затаенным ожиданием взглянула на поворот, ведущий к речке – но компании, включающей в себя белого мага, там не было.

И это хорошо.

Или плохо.

Улица в принципе пустовала: ну а какие дураки в такую погоду по ней пойдут? Даже они дома сидеть будут. А мы – дураки-колдуны, так что не считается.

Я провела ладонью по лбу, чувствуя, что внутри закипают мозги, причем вовсе не от умственной деятельности, и лениво уточнила:

– Деньги есть?

– Есть. А зачем?

– Отберу у тебя и убегу в заоблачную даль. Шутка. Отберу, когда ты разбогатеешь. Мороженое хотела купить какое-нибудь. Одолжишь? Я потом верну, в доме остались.

– Можешь не возвращать.

Поворот на речку остался позади. Зато через пять метров нас ожидал поворот на центральную улицу, где магазинов достаточно. До них идти далеко, правда...

Я не выживу.

Я обернулась и взглянула на спутника. Хотя нет, выжить должна, назло ему.

– Если я не верну, ты мне это потом всю жизнь напоминать будешь. А в таком-то году, такого-то числа чудного месяца июля ты, Яна, потратила тридцать рублей из моего бюджета, этим сломав мне будущее. Именно из-за тебя я не достиг успеха, – передразнила я его. – Так и будет?

– Яна, – он остановился, неодобрительно покачал головой и тут же продолжил путь – в ускоренном темпе.

– Что? – спросила я. – Поворот не пропусти, длинноногий!

– Кажется, тебе уже давно не пять лет, – продолжил он, невозмутимо возвращаясь и сворачивая.

– Мне уже двенадцать лет и два месяца как не пять лет. И что это меняет? Да, я не повзрослею, и вообще балбеска, но, знаешь...

Я взглянула назад, почувствовав чей-то взгляд, и ускорила шаг. По той дороге, с которой только что сошли мы с Владом, шествовала, повернув с узенькой улицы, шумная компания из трех парней, один из которых маг, причем белый, и девушки с рыжими косами. К речке шли наверняка.

Вот надо ж! Как удачно разошлись! Вышли бы на две минуты раньше, столкнулись бы с ними лбами.

Энергии на движение внутри резко подприбавилось, и я ускоренно направилась вперед, как будто с такой силой за-

хотела мороженого, что не могла больше терпеть.

Вариантов развития дальнейших событий я насчитала три. Либо они заметят нас: узнают меня, а потом очень заинтересуются моим спутником. Либо Влад заметит их, особенно Ярослава, он ведь тоже видит души, и спросит у меня, что же я молчала про такую находку. В первых двух случаях произойдет черно-белое столкновение, а нам это не нужно.

Поэтому я предпочла третий: быстренько сбежать.

А ведь кто-то из них уже заметил меня!

Вот же черти глазастые. Сейчас как заорут: «Яна!». А поблизости даже оград нет, не спрячешься. Жестоко!

– Что «но, знаю»?

– Неважно. Идем, быстрее!

– А что там? – заинтересовался вдруг Влад. Почти повернул голову. «Почти» потому, что пришлось идти на крайние меры: хватать Влада за запястье и бежать вперед. Я ещё и за голову бы его схватила, но побоялась: не поймет.

– Подруга приставучая, – по ходу пояснила я. – Бывшая подруга.

– У тебя ведь нет друзей.

– Вот именно, нет! Бывшая, говорю же. А хочет, чтобы стала нынешней. А я не хочу.

– Права твоя тетя. Зачем сразу сбегать? Ты могла бы, например, познакомить с ней меня... – протянул Влад.

Вот и чего медлит? Еле идет! Ноги, как у циркуля, длиннющие, так нет же, еще и от меня отстают! Пришлось уско-

рять:

– Быстрее, пожалуйста. Не хочу я тебя с ней знакомить, вы характером не сойдетесь. Да и зачем тебе знакомиться с моей бывшей подругой?

Чтобы сделать ее своей нынешней девушкой?

Я фыркнула, представив это: брюнет-Влад ростом за метр девяносто и миниатюрная рыжая Оля. Веселая парочка из них получится, однако. Контрастненькая. Если Влад надо мной нависает, как гора, то для близкого общения с Олей ему придется согнуться вдвое.

– И она занята, – продолжила я. – У нее парень... тоже долбану... не совсем нормальный. И зовут его...

Перед глазами встал противный Ярослав, затмивший собой своих приятелей и их имена. Пришлось ему из-за этого страдать – становиться Олькиным парнем:

– Зовут его Яриком. Вернее, это Оля его так зовет. И-й-а-арик, – я поморщилась. – Заценил имечко? Так зачем тебе с ней знакомиться, если любовь отпадает?

– А с тобой я зачем общаюсь?

– Со мной? Чтобы меня побесить? – искренне предположила я.

Влад цокнул, помотал головой и произнес:

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты.

– Мы уже не дружим.

– Но дружили же когда-то. Значит, нашлись у вас точки соприкосновения.

Ага, конечно. Просто и мне, и Оле нечем было страдать в этой деревеньке, а ещё в начале нашего знакомства она была более-менее нормальной, и то не факт.

– Точки соприкосновения оказались иллюзиями. И, к тому же, твое утверждение лишено истины. Вот ты представился моим лучшим другом. Это, конечно, неправда, но предположим, что так оно и есть. Это получается, что я зануда с завышенным чувством собственного достоинства?

– Это я, по-твоему, зануда с завышенным чувством собственного достоинства? – он чуть приподнял брови, взглянув на меня сверху вниз.

– Ну да. Или ты считаешь, что высокопрофессиональный черный маг, да к тому же красавец и харизматичности тебе не занимать?

– То есть, раз ты считаешь, что в тебе всего этого нет, то всего этого нет и во мне?

Стало обидно. Я повела плечом и отвернулась. То есть, я ещё и уродкой вышла. В общении заурядной. И профессионализм у меня такой, что только голубей шугать!

И ритуалы проводить пустые.

Ах, он ещё и намекает!..

Я еще и губы поджала, совсем уж расстроенная. Вот так и доверяй этим черным магам! Я его за высокую самооценку похвалила, а он мне все про мои неудачи напоминает.

Ух, черный!..

Перед взором предстали магазины, создающие деревен-

ский центр. Во главе стоял двухэтажный супермаркет с модной неоновой вывеской. В него чаще всего и ходили. Вокруг этого магазина, словно вокруг главнокомандующего, устроилось несколько солдат-ларьков и два протяженных одноэтажных магазина, которые я тут же окрестила конной пехотой. Там и дальше армия была, но ее увидеть мне не удалось.

Выбирать долго не пришлось, и я, дитя современности, направилась именно к супермаркету. Не люблю разговаривать с людьми – и все тут. Смущение меня пробирает, когда я пытаюсь объяснить, какой из трех продуктов одного вида мне нужен, а меня не понимают. Мне, помнится, года четыре назад вместо килограмма «яблок фуши» груши свешали, зеленые, и я так и не смогла объяснить, что нуждалась в другом. Пришлось за груши платить и есть их потом, вспоминая о своем хорошо поставленном голосе и прекрасной риторике.

Дверь в этот супермаркет была тугая: за те два года, что он тут простоял, она то ли так и не ослабла, то ли ее специально подкручивали, в общем, бороться с ней приходилось, и ещё как. Я с силой дернула ее на себя и шмыгнула внутрь, в это же время дверь принялась стремительно закрываться. Ещё бы мгновение – и расплющило бы Яну, вот и сказочке конец.

Но дверь придержал Влад.

Этого, конечно же, оказалось мало даже для того, чтобы задуматься над его прощением.

Супермаркет встретил нас приятным холодком, который

обеспечивали гудящие кондиционеры. Я прошла по кафельной плитке, чувствуя облегчение. Плечи расправились, нос задышал в полную силу. Люблю свежесть! Не люблю жару!

Протиснувшись через входные турникеты, я повернулась к Владу и уточнила хмуро:

– Бюджет?

– Я с картой, – отозвался он.

– Золотой? – вспомнилась известная передача, в которой одному из ведущих доставалось якобы безграничное количество денег. – Ок, будем считать, что рублей у меня сто.

– Трать, сколько хочешь, – отозвался он. – И прости меня, пожалуйста, Яна. Я был неправ. Эти качества, что во мне отсутствуют, прекрасно воплощены в тебе.

Сначала я подумала, что он шутит, и бросила на него укоризненный взгляд. Но в следующее мгновение укоризна сменилась растерянностью: не было во Владе никакого желания над Яночкой издеваться. Он просто извинился – и все.

Пожалуй, это так удивило меня именно потому, что извиняться я не то что не любила – попросту не умела, ведь никогда этого не делала. Поссорившись, я либо расходилась с человеком окончательно, либо старалась это дело примять, не вспоминать о нем самой и не напоминать тому, с кем я разругалась. У нас с Владом так всегда и было. Конечно, я его не обижала... просто иногда против воли говорила что-то не слишком приятное, а на следующей встрече молчала, как партизанка.

А сейчас Влад вроде как обидел меня и просит прощения.

– Вообще-то я шутила... – заметила я. – И эти... эм... качества, они...

И все же занудства Владу было не отнимать: он не пытался свернуть разговор, превратить все в шутку и отправиться, наконец, за мороженым. Он стоял напротив меня и упорно ждал, пока я закончу свою речь.

А шестеренки в моей голове не желали работать.

– В общем, – я вздохнула. – Маг из тебя неплохой и...

– В том, что тебе не нравится моя внешность и мой характер, нет ничего ненормального. У каждого из нас свои вкусы.

– Да хорошая внешность у тебя! – все это уже начинало надоедать. – Вполне привлекательная. И характер сносный, если смотреть со стороны. Просто у нас с тобой взгляды на мир разные. И вообще... Не люблю я такие разговоры! Так что отстань от меня с ними, иначе я тебя заколду... то есть, побью! Понятно?

– Да, отлично понятно.

Периферическим зрением я отметила, что дверь в супермаркет открылась, приглашая войти нового покупателя, но тут же захлопнулась.

Увидели, вестимо, двух магов у входа и решили не рисковать.

Это незначительное обстоятельство, которое я обозвала маленькой пакостью, значительно повысило мне настроение, поэтому по чудесному прохладному супермаркету я прогу-

ливалась уже в повышенном настроении, с глупой улыбочкой на лице. Влад шел чуть в отдалении, частенько поглядывал на мое лицо и молчал. Похоже, эта улыбочка его пугала, и говорить Влад не решался именно потому, что боялся исполнения моего обещания.

Мороженое я взяла себе бледно-зеленое, фисташковое, в вафельном рожке. Влад же традициям не изменял и взял себе элегантное эскимо в шоколадной глазури. Эх, вот были бы у меня с собой деньги... тогда я купила бы себе колбасу! Потому что блинчиков не досталось.

Но колбаса явно стоит больше ста рублей, да и вкушать ее, прогуливаясь по улице, не очень-то удобно. Можно, конечно, залезть в дом тети через окно, но с колбасой это сделать будет трудновато. А ещё труднее будет объясниться с полицией, которую вызовут соседи, заметив такой криминал.

Рассчитались быстро – Влад приложил карточку к терминалу, и с нее тут же списали те восемьдесят три рубля, что мы умудрились потратить. Зато уйти на той же скорости не удалось – кассирша принялась утверждать, что покупка не оплачена, хотя чек указывал обратное. Влад объяснял все спокойно, зато я распахивалась: внутри созрела волна возмущения. В итоге пришлось аж вызывать администрацию – и женщина лет тридцати с подведенными глазами, нормально относящаяся к современным технологиям, сказала нам, что мы можем идти.

Нет, на самом деле, меня трудно вывести из себя. Но та-

кая вот тупость прекрасно с этим справляется. Нервы у меня расшатанные в последнее время.

– Все в порядке? – на всякий случай уточнил Влад.

О-хо-хо, боится! И непонятно: за меня или без «за».

Мы приблизились к дверям, и, пока Влад, наученный горьким опытом, сам открывал их, я произнесла:

– Чем-то нечисть напоминает. Она тоже же... того...

Шестеренки замерли вновь.

На крылечке скромненько стоял белый маг, ко встрече с которым я сначала так стремилась, а потом ещё энергичнее от нее убегала. Он прислонился к серым металлическим перилам и явно кого-то ожидал.

Не меня же, ведь так? Не может он ждать меня! Не бывает таких совпадений. Он же не мог заметить меня тогда.

Но заметил. Да почему бы и нет? Я со своим восьмидесятипроцентным зрением отлично его разглядела.

Ступор, продлившийся лишь мгновение, спал, и я вышла из супермаркета. Влад последовал за мной. Ярослава он тоже заметил. И тоже замер. А все потому, что этому Ярославу можно с гордостью вручать звание «Лопух». Я ведь намекала ему вчера на этот несчастный голубой огонек, который мы, черные, отлично видим. И Яр вполне мог побеспокоиться о собственной безопасности и скрыть его от наших глаз.

Но этот лопух, похоже, считал, что из черных магов тут одна я. Я тоже так считала, пока меня не обрадовали чудной новостью: Влад приехал!

Наши с Ярославом глаза встретились, и он, чуть наклонив голову, будто кивая в знак приветствия, произнес:

– Здравствуй, Яна.

Хорошо, что упаковку с мороженым я прежде к себе прижала: как-то руки ослабли. На Влада вообще было страшно смотреть, поэтому я и не смотрела.

Я чуть нахмурилась, выказывая недовольство этим поступком, и отозвалась:

– Ну привет, Ярослав. Парень Оли, – добавила зачем-то. Для Влада, наверное. – Какая встреча неожиданная.

– Ваша Оля встречается с белым магом? – раздалось за моей спиной. Влад! Черт! – А она, оказывается, не промах.

– Да, да, она цепкая очень.

– Это Оля тебе сказала, что мы встречаемся? – полюбопытствовал Яр.

Это я Владу сказала, а, значит, так и есть! Умничать он ещё вздумал. Явился сначала на крылечко, нас встречать, а теперь недоволен!

– Неважно, – отозвалась я. И поспешила заметить: – Про то, что ты, Ярослав, белый маг, я, к слову, молчала. Это Влад, и он...

Я уже готова была наградить его лестными эпитетами, обозвав суперкрутым магом, да и просто хорошим парнем, но вместо этого он произнес просто:

– Лучший друг Яны. И я, знаешь, посоветовал бы тебе к ней не приближаться.

Он белых тоже не любил. А ещё знал, как не люблю их я. И почему я их не люблю. Поэтому сразу встал на мою защиту.

Это было бы даже мило, не будь так нелепо.

– У меня имеется к Яне некоторый приватный разговор. Поэтому либо мы отойдем в сторону, либо придется уйти тебе, друг. Два черных мага на одного меня! Да даже в городе такое встречается редко.

Я была полностью с ним согласна. Также как-то не привыкла к скоплениям магов. Вокруг меня. Разноцветненьких. Контрастных.

– Имеешь что-то против черных магов? – мирно полюбопытствовал Влад.

– Если бы я имел что-то против, то разговор не выпрашивал. Так что, – он взглянул на меня, – поговорим?

– Только в моем присутствии.

– Как ты щедр! – воскликнул Ярик.

– Как ты глуп, – заметил Влад.

Сейчас они подерутся. А я так не могу: мне надо тоже драться, иначе что это за битва такая?

– Помолчите вдвоем, а? – произнесла я. – У меня от вашего визга уже голова болит. А разговаривать... – чтобы продолжить эту фразу, мне пришлось применить над собой усилие, – разговаривать я ни с кем не хочу. Ни с белым магом, ни с черным. Понятно?

Честно говорю, если бы я умела читать по лицам, то на Яриковом было бы написано: «Идиотка».

– Яна, может, ты не будешь вмешиваться? – спросил Влад.

– Может, не будешь вмешиваться именно ты? – предположила я. – Между прочим...

Из супермаркета вышла та самая кассирша, с которой мы недавно вели словесные баталии. Она грубо толкнула меня, пробормотав про молодежь, это потерянное поколение, и, встав около крыльца, принялась затягивать сигарету, подкурив ее зажигалкой.

Вот так реклама магазинчика! Антиреклама, если быть точнее.

Эта антиреклама и стала последней каплей.

– Знаете, что? – обратилась я к кассирше. – Если ваше мышление не может понять такие примитивные вещи, я тут ни при чем. И разговаривать с вами я не намерена.

Я сбежала с крыльца, и оба мага направились за мной.

– А ты, Влад, знаешь, что? Ярослав пришел к мне, и мне решать, говорить с ним или нет! – Яр чуть улыбнулся, и я добавила: – И я решила, что говорить с ним не буду!

Вот так им всем!

Я крепче сжала руки с мороженым: ладони уже хотели пуститься в пляс и сопроводить мою речь эмоциональными движениями.

– Я обещал учителю смотреть за тобой, – заметил Влад.

И я знала: лучше бы он этого не говорил.

Он вновь напомнил мне, что вся эта его мнимая забота – лишь желание подслужиться моему отцу.

– Ах, ты обещал!.. Ну да, конечно, отец ведь будет ругаться, если его поручения не выполнят. Что ещё может волновать? Понятно. Защитник. Забыла сказать...

Влад стоял напротив меня и покорно молчал. Наши взгляды пересеклись. Я смутилась и отвела взгляд в сторону. Стороной послужил Яр. Я его тоже как-то вдруг заинтересовала, и он тоже смотрел на меня. Нагло. Смотрел. На меня!

Белый маг.

Обнаглевший белый маг.

– Отличная беседа, – заметил он.

– Правда? – я приподняла брови. – Тебе нравится, как мы беседуем? Тогда знай: у нас бы с тобой лучше беседы не получилось.

– Я уже понял, что у тебя характер...

– Не из простых? – предложила я.

– Не из простых.

Когда Влад сказал мне что-то подобное – вернее, лишь намекнул, – я крупно на него обиделась. Так что же, белому магу кланяться надо и улыбками осыпать?

Я пробормотала, поворачиваясь к нему:

– Иди ты.

– А я? – раздалось над ухом.

– А ты? – я вновь сделала поворот. – Ты тоже иди, пожалуйста. Можешь даже вместе с Яриком. Не забудь взяться с ним за ручки. И оставьте меня в покое, наконец!

Мороженое из рук все же выскользнуло. Я быстро нагну-

лась, чтобы поднять его, и, схватив оранжево-желтую упаковку, сорвалась с места, что есть мочи.

Влад догонять меня не стал: ему от меня нужно только связь с отцом. Яру нужен был какой-то там разговор, но, похоже, тоже не слишком важный, раз он не стал меня преследовать.

Я посмотрела назад.

Действительно, пустота. Бывшие собеседники остались на центральной площади, тогда как я шла по развилке между двумя домами. Сейчас обойду их, выйду на дорогу и прошмыгну на новую тропинку: ту, которая ведет в реку. Тем более что в моих изначальных планах эта река и стояла.

А Влад ещё и говорил про нечисть. С моим отцом.

Как они посмели? Нет, не так. Как я посмела себе поверить в дружеские отношения между мной и Владом, искренние и честные?

Он ведь сам при каждом удобном случае вспоминает своего учителя.

К речке добралась без происшествий. И даже компания из Оли и друзей Ярика – без самого Ярика – не встретилась на пути. Я перебежала дорогу, прошла мимо огородов и увидела реку, сверкающую множеством серебряных огней.

Жарко. Слишком жарко. Даже малышня не плюхается – не настолько же дети сумасшедшие, в самом деле.

Направлялась я к мелководу, которое посещала вчера. По пути распаковала мороженое – вытаскивать его из упа-

ковки было страшно, поэтому я и не вытаскивала, ела прямо так, в ускоренном темпе. Мороженое буквально таяло на глазах и грозилось украсить белую футболку парочкой зеленых пятен. Не украсило, вроде бы.

Когда я пришла к назначенному месту, мороженое уже было съедено. В руках у меня оставалась лишь его яркая упаковка. Я задумчиво мяла ее в руках.

Белые маги работают с материей, они преобразуют окружающий мир: создают что-то из чего-то, и неважно чего: реального предмета или энергии, которой пронизан весь наш мир. Говорят, они видят их так, как мы видим души.

В голову проскользнула донельзя странная мысль.

Если бы я была белой магичкой, то превратила бы упаковку из-под мороженого в желтую бабочку. Бабочка наверняка получилась бы довольно крупной. Я не знаю, как белым это удастся, но кто-то говорил, что они на такое способны.

Не зря же есть такая теория происхождения жизни, как витализм. Вопреки законам биологии вдохнуть «активное начало» в любой предмет, заставить его дышать, шевелить крылышками и собирать нектар с цветов – виталисты верят в это, и, пожалуй, не зря. Может, по соседству с Аристотелем жил белый маг, и именно он вдохновил его на создание такой теории? Может, Аристотель и сам был белым магом?

Я качнула головой.

Сегодня бабочек на камнях не было. Взгляд вновь метнулся на упаковку из-под мороженого.

Может, эти белые хрупкие бабочки – и есть камешки? Когда-то я пыталась найти название этих существ в интернете, но поиски не обвенчались успехом.

Если эти бабочки – нечто большее, чем чешуекрылые насекомые? Если это создания магии...

Но ведь Ярослав не стал бы их создавать. Да и, к тому же, на такое количество бабочек требуется большое количество энергии. А я видела их и раньше – в деревне бабушки, в таком же тихом и укромном уголке.

В той деревне не было белых магов.

Впрочем, я считала, что их нет и здесь.

Свернув упаковку из-под мороженого, я убрала ее в карман джинсовой юбки, к смартфону, и уставилась на песок. С этими размышлениями совсем забыла про главную цель: узнать, что тут творится. Присела на корточки, чтобы лучше видеть, но нет – следы исчезли, как будто их никогда и не было. Или будто кто-то хорошенько тут подмел.

Я обошла песочную полянку ещё раз, сходила чуть дальше и вернулась. Нет, никаких отметин. Пусто и чисто.

Я бросила взгляд на тот берег реки: песка там почти не было, и уже через пару метров от воды начиналась высокая трава, отбрасывающая тени. Одна из этих теней и привлекла меня: на секунду показалось, что она блеснула чернильно-черным.

И то верно.

Если эта нечисть действительно предрасположена к чер-

ной магии, то она предпочтет действовать ночью, в темноте. Ведь именно ночь – наше время.

И что-то мне подсказывало: сюда я ещё вернусь.

Джинсовые шорты, которые я так и не успела постирать, конечно, вызывали сомнение. Но потом я решила: в темноте все кошки серы, и никто мои шорты разглядывать не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.